

Светлана
АЛЕШИНА

Все

**НАЧАЛОСЬ
С НЕЕ**

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Новая русская

Светлана Алешина

Все началось с нее (сборник)

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Все началось с нее (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2001 — (Новая русская)

Проснувшись после веселой вечеринки в своей квартире, бизнесмен Сергей Панаев узнает от перепуганной насмерть жены Вероники, что в ванной лежит мертвая женщина в восточном одеянии... Владелица престижного ресторана, а по совместительству сыщик-любитель Лариса Котова по просьбе Вероники берется расследовать дело. Кто мог совершить такое? Сам Панаев? Но он категорически все отрицает. Жена, жаждущая развода с ним? Ее любовник, адвокат Либерзон? Или кто-то из деловых партнеров, кому выгодно отправить бизнесмена на скамью подсудимых?.. А тут еще выясняется, что украден его пистолет, о существовании которого не знал никто, и что пуля, выпущенная из этого пистолета, оборвала жизнь неизвестной женщины...

© Алешина С., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Все началось с нее	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Светлана Алешина

Все началось с нее (сборник)

Все началось с нее

Глава 1

Такого не было еще никогда. По крайней мере, Лариса Котова это четко осознавала. В ее жизни наступил период психологической хандры. Как-то все навалилось этой весной: обострение плохих отношений с мужем, разрыв с любовником, проблемы в бизнесе.

Если разбираться подробнее, то можно сказать, что муж, Евгений, окончательно, кажется, поставил на ней крест. Как, собственно, и Лариса на нем. Они жили каждый своей жизнью, и эта отстраненность друг от друга с каждым днем становилась все явственнее.

Человек, с которым Ларису уже много лет связывали несколько странные любовно-дружеские отношения – или, скорее, дружески-любовные, – собрался наконец жениться. Это был майор милиции Олег Карташов. Совсем недавно Олег Валерьянович встретил-таки женщину, с которой ему было комфортно и которая, похоже, полюбила его. Лариса же относилась к нему по-другому – более рационально и снисходительно. К тому же она была замужем, а Карташову в его возрасте пора было определяться в личной жизни. Понятное дело, что он выбирал стабильность и определенность в лице своей новой пассии.

Ресторан «Чайка», владельцем которого являлась Лариса, начал испытывать некоторые трудности. Объявились конкуренты, которые захотели прибрать к рукам этот лакомый кусок. Пользуясь блатом в органах власти, они начали кампанию, постоянно вставляя всяческие палки в колеса. Палки эти представляли собой то санэпидстанцию, то налоговую полицию, то другие проверяющие ведомства. А недавно Ларисе один чиновник мэрии намекнул на то, что будет лучше, если она продаст ресторан в другие частные руки.

В довершение ко всему, собрался увольняться с работы верный заместитель Ларисы, администратор «Чайки» Дмитрий Степанович Городов. Он вроде как нашел какую-то новую выгодную работу. По крайней мере, смущаясь, краснея больше обычного и мямля слова-паразиты вроде «значит», «это самое» и «в общем так», он объяснил ей это именно так. Хотя Лариса подозревала, что Городов просто собрался уезжать на постоянное место жительства в Израиль, куда ему обещала сделать вызов бывшая жена.

Психологическое состояние Ларисы в этом круговороте проблем было не очень комфортным. И потому с вечера, просидев в одиночестве дома, она набрала номер телефона, все еще сомневаясь, стоит ли это делать – Лариса никогда не обращалась к профессиональному психологу. Но этот человек был ее старым знакомым, и она наконец решилась. – Лариса, я рад слышать вас в этот весенний вечер, – как всегда доброжелательно начал разговор Анатолий Курочкин.

– Увы, не очень-то весеннее настроение, – сразу же задала тон разговора Котова.

– Вы хотите развеяться? В хорошей компании, чтобы достойно окупиться в циничную беспощадность надвигающейся ночи?

Лариса невольно рассмеялась. Курочкин своим изысканно-высокопарным стилем сумел вызвать у нее веселье. Хотя бы натужное, как сейчас.

– Я хочу поговорить с тобой как с психологом, Толик, – честно призналась она.

– Вот как? – осторожно спросил Курочкин. – Ну что ж, я готов.

– Услуги твои, разумеется, будут хорошо оплачены, – сразу же оговорилась Лариса.

Она знала, что Курочкин, несмотря на свою интеллигентную рафинированность, был очень меркантильным малым.

– Ну, полагаю, нам нужно встретиться, – сказал Анатолий.

– Конечно. Завтра суббота, можно сразу с утра. Мужа не будет, он на три дня улетел в Москву.

– Очень хорошо, – ответил Курочкин. – Территория, как я уже понял, твоя.

– Да, в девять будет удобно?

– Лучше в десять, – поправил Курочкин. – В последнее время поздно ложусь, читаю до трех ночи.

На этом разговор и окончился. Лариса на ночь приняла таблетку реланиума и довольно спокойно, как ей показалось, заснула. Но утром все проблемы снова навалились на нее, и приход Толика пришлось прямо на обострение Ларисиной депрессии.

* * *

Неожиданно раздавшийся звонок прозвучал тревожной трелью. Лариса Котова, которая в это самое время подробно описывала психологу свое удручающее состояние, поморщилась, но трубку все же взяла.

– Лара, миленькая, помоги! Я обращаюсь к тебе как к богу! Вернее, как к человеку, умеющему решать чужие проблемы... – зазвучал в трубке взволнованный голос.

– Кто это? – еще не собравшись с мыслями, спросила Лариса.

– Как? Ты меня не узнаешь? Это Вера... Вероника Панаева, – голос в трубке прозвучал несколько обиженно.

– Ах, извини, – машинально отреагировала Котова. – Что у вас там стряслось? Опять проблемы с мужем? Вы же, кажется, решили мирно расстаться?

А в голове у Ларисы промелькнуло ехидное: «Надо же, еще лезет решать чужие проблемы! Выходит, новая русская бизнесменша превратилась в неисправимую альтруистку!»

– Дело в другом. У нас не проясняется ситуация, с кем останется Коля, наш сын, – Вероника Панаева проявляла раздражение и нетерпение.

– И ты, конечно, хочешь, чтобы мальчик воспитывался тобой?

– Естественно. Этот мужлан вконец испортит ребенка. Сейчас переходный возраст – пятнадцать лет. Это не шутка. А Панаев – это же настоящий гоблин. Бандит с большой дороги. Ты же знаешь его выражения и эмоции! А чего стоят одни эти словечки типа «сейчас в тыкву получишь!». Короче, кошмар!..

Далее со стороны Вероники последовала несусветная ругань в адрес бывшего мужа Сергея Панаева, с которым она даже не успела оформить официальный развод. Перед Котовой уже возникло намалеванное личико оскорбленной фурии, чей капризный ротик, привыкший отдавать ласковые приказы сильным и богатым самцам, сейчас поносил вчерашнего покровителя и супруга.

«Странная все-таки эта парочка – Сергей и Вероника Панаевы, – задумалась Лариса. – Взрослые люди, довольно предприимчивые и находчивые, на своем уровне, вполне подходящие друг другу, и вдруг – разрыв. Чего людям не хватает? Он – владелец автозаправочной станции и собственного автосалона, и она за ним была как за каменной стеной. Оба еще не старые. Он крепкий спортивный мужчина тридцати восьми лет, а ей в ее тридцать пять не откажешь в умении сохранять молодость».

– Ну, в общем... – заключила свою тираду Вероника, – жду тебя, Лариса, на нашем семейном совете.

– Но я не могу.

– Это очень важно, – напыщенно и вместе с тем категорично заявила Вероника.

– По-моему, вам нужен психолог. Кстати, он находится рядом со мной. Могу рекомендовать.

– Нет... Хотя, впрочем, да, – нервно отозвалась Панаева. – Что это за психолог?

– Настоящий профессионал, – отрекомендовала Курочкина Лариса.

– Тогда приходите вместе.

Лариса еще пыталась как-то отнекиваться, найти предлог остаться дома. Ведь на улице была такая мерзопакостная погода – дождь лил как из ведра! Но Вероника настаивала на своем.

– Это, можно сказать, переворот в моей жизни! – высокопарно заключила она, будто от этого зависела судьба целого государства. – Не вздумай мне отказывать! Я прошу тебя поддержать меня. В конце концов, я тебя чем-нибудь отблагодарю.

– Хорошо, я приду, – обреченно проговорила Лариса.

– Вместе с психологом, – добавила Вероника.

Лариса оторвалась от трубки и уточнила планы Анатолия. Тот, узнав, что, возможно, ему светит еще один клиент или клиентка, причем из богатых, тут же согласился. Курочкин вообще был легок на подъем.

– На который час назначен семейный совет? – спросила Лариса.

– В двенадцать мы собираемся на квартире Панаева. Жду, верю, надеюсь...

– О'кей, сейчас только приведу себя в порядок и выпью кофе. – И Котова собиралась уже положить трубку.

– Ой, секунду, Ларочка, – вдруг заверещала Вероника. – Я хочу посоветоваться с тобой: что мне надеть на этот страшный суд?

Лариса вздохнула. Вероника была неисправимой модницей и всегда старалась произвести впечатление на окружающих не столько собственными достоинствами, сколько своими тряпками.

– Думаю, что твое бежевое платье или что-нибудь поскромнее будет в самый раз, – иронично ответила Лариса. – И, пожалуйста, поменьше украшений!

– Да? – разочарованно протянула Вероника. – Ну ладно, сейчас все сниму. Оставлю только бриллиантовое колечко.

– Оставь, – милостиво разрешила Котова.

– Ну все, – заключила Панаева. – В двенадцать я тебя жду.

Лариса положила трубку и живо представила себе, как Верунчик недовольно снимает с себя все свое мещанское великолепие, в котором ежедневно и ежечасно воплощала рождественскую елку на ходу. Но она была уверена в том, что на сей раз Вероника ее обязательно послушается, – Лариса пользовалась у нее определенным авторитетом.

Котова прошла на кухню и поставила кофейник на плиту. Потом достала печенье с кремом для легкого завтрака. И мысли ее завертелись вокруг надуманных проблем господ Панаевых.

Она познакомилась с ними год назад на вечеринке, проводимой в целях рекламы радиостанцией «Европа-плюс». Сергей Дмитриевич Панаев был одним из спонсоров этого великосветского гульбища. Веронику представила давняя подруга Ларисы – парикмахер и имиджмейкер Эвелина Горская.

Надо сказать, что при всей своей эксцентричности и претензиях на место первой леди, королевы богемы, Вероника умела нравиться и внушала симпатию. За внешней вычурностью декольтированного и разрезанного где только возможно платья, за сверкающими браслетами и кулонами, которые были навешаны на ней, как на египетской мумии, за нескладными ресницами проглядывала роковая женщина.

Она умела внушить любовь мужчине, уверив его в своей слабости и беззащитности. В ней было то, что покоряет сердца. Дама небольшого роста с пышной грудью и матовым отливом кожи. Груды, похожие на спелые дыни, и маленькие аппетитные ножки были предметом

ее особой гордости. Не потому ли она так часто любила посещать пляжи и сауны? Ценители женской красоты плотоядно облизывались при виде полуобнаженного тела Вероники.

А Ларисе по-своему было интересно общаться с ней. Налив себе кофе, она попыталась представить себе мужа Вероники, Сергея. Странное все-таки существо человек. Такой уравновешенный и сдержанный, каким и положено быть удачливому бизнесмену на работе, можно сказать, хитро задуманный робот. В семье же эта акула капитализма превращалась не в очень уверенного в себе человека.

Ларисе всегда было по-человечески жаль этого огромного мужлана, запутавшегося в паутине интриг и сплетен, которые вели вокруг него родственники жены. И как знать, что пряталось за внешней грубостью и бурбонством Сергея Дмитриевича? Не то ли, что и сама Вероника скрывала за внешним лоском, – слабый огонек души, не нашедшей света в конце туннеля?

Решение Вероники забрать сына, оторвав от отца, было естественным. С другой стороны, Николаю уже пятнадцать лет, и еще немного, и он станет совсем самостоятельным человеком. Словом, обсуждение этого вопроса не представлялось Ларисе чем-то важным. Но, впрочем, семейка Панаевых всегда славилась стремлением экзальтированно, на пике эмоций решать достаточно банальные проблемы человеческого бытия.

Что же касается самого Николая, то... Лариса подумала, что не будет ничего плохого, если мальчик унаследует мужественность Сергея. А что ему может дать в качестве замены адвокат Роман Исаакович Либерзон, бывший друг Сергея, он же нынешний сожитель Вероники? Он оставлял впечатление скользкой неприятной личности, хотя внешне этот человек выглядел достаточно респектабельно, как и подобало преуспевающему адвокату.

– Ну вот, можно сказать, что твое депрессивное состояние перебила подруга, – резюмировал Курочкин. – Может быть, у нее проблемы покруче твоих.

– Ну, это мы скоро узнаем.

В течение завтрака Лариса рассказала Курочкину все, что знала о семье Панаевых. Таким образом, психолог был подготовлен к визиту к Веронике и Сергею.

Завтрак был окончен, кофе выпит, печенье с кремом наполовину съедено. Надо было спешить...

Несмотря на то, что стояло начало мая, лета еще не чувствовалось. Дожди и температура двадцать градусов по Цельсию – это не то, к чему привыкли жители Нижнего Поволжья в это время года.

Однако статус подруги требовал помощи, и Лариса не могла отказать Панаевой. Поэтому, посмотрев на часы и тяжело вздохнув, она бросила посуду в моечную машину, накинула на себя куртку и, пропустив вперед Курочкина, начала спускаться по лестнице. В этот момент в кармане ее куртки раздался телефонный звонок. Она подняла трубку и услышала еще более, чем час назад, взволнованный голос Вероники:

– Лара, приезжай одна, без психолога. Тут такое!

– Что? Что случилось? – обеспокоенно спросила Лариса.

– Приезжай одна, – отрезала Панаева.

Лариса пожала плечами, отключила связь и раздраженно пробормотала:

– Черт знает что!

– Что? – спросил Курочкин.

– Говорит, чтобы я приезжала одна.

– Ну, одна – так одна, – улыбнулся тот. – В таком случае психотерапевтом поработаешь сама.

– Я же не профессионал.

– А ты попробуй. Очень полезно в минуты депрессии заниматься лечением депрессии других, – улыбнулся Курочкин.

Лариса опять пожала плечами и направилась в гараж, где ее ожидала серебристая красавица по имени «Вольво-460».

* * *

Конечно же, Лариса опоздала – соблюдая законы вежливости, она отвезла Курочкина домой. Опоздала на полчаса, не меньше. Но что это? Едва она переступила порог квартиры Панаева, как услышала истошный крик Вероники:

– Убийца! Подонок!

Этот крик был слышен даже из-за двери, которую открыла Нонна Леонидовна Харитоновна, мать Вероники. Сама Вероника называла ее «железной леди» семейного парламента. Эта пожилая дама отличалась крайне неуравновешенным и тяжелым характером, была всегда чем-нибудь недовольной и высказывала свое недовольство с крайней степенью эмоциональности.

И сейчас Нонна Леонидовна, глядя то ли с ужасом, то ли с укором в лицо Ларисы, язвительно выкрикнула:

– Дождались!

И, как показалось Ларисе, неохотно пропустила ее в квартиру.

Но то, что в течение следующих пяти минут предстало глазам Ларисы, перевернуло все ее представления об ожидаемом визите.

В центре гостиной, утонув в кресле и закрыв лицо ладонями, сидел хозяин квартиры Сергей Панаев, как бы отгородившись от всего мира. В углу, прижавшись к стене, как нашкодивший ребенок, сидел пятнадцатилетний Николай, из-за которого, собственно, и разгорелся весь сыр-бор.

Нонна Леонидовна, поглядывая колким взглядом то на юного тинейджера-внука, то на здоровенного зятя, то на скорчившегося сухонького старикашку со следами трехдневной небритости, то есть своего мужа Александра Ивановича Харитоновна, истошно разглагольствовала и кричала, постоянно тыкая в лицо бывшему зятю какой-то бумажкой.

Лариса сразу же обратила внимание на то, что Вероники в комнате нет. Но не стала спрашивать об этом Нонну Леонидовну, которая явно была на взводе. Лариса вообще решила немного освоиться в обстановке и скромно посидеть в углу.

Испуганный Александр Иванович, казалось, еще больше согнулся в три погибели и, то ли успокаивая, то ли урезонивая взорвавшуюся эмоциями жену, ласково мяукал:

– Ноннушка! Успокойся! Может, все еще не так, как мы подумали...

– Ах, не так? Может быть, вы меня, Александр Иванович, за идиотку принимаете? Может быть, это я ее убила?

– Кто кого убил? – наконец, решилась Котова вступить в разговор, задав конкретный вопрос.

– Ах, Ларочка! Милая! – недовольно произнесла Нонна Леонидовна. – Это ведь надо, а? Вы представляете – в ванной этого гражданина, – она ткнула мясистым наманикюренным пальцем в Панаева...

– Что в ванной? – оторопела Лариса.

– В ванной комнате обнаружен труп женщины! – У «железной леди» испуганно расширились глаза.

– Как? Что за труп? Вы серьезно? – спросила Котова.

– Вполне, – поджав алые от помады губы, констатировала факт Нонна Леонидовна.

– Где труп?

– Полюбуйтесь, в ванной!

И Нонна Леонидовна, схватив Ларису за руку, потащила ее за собой, как взрослая тетя – двоичницу-дочку.

Лариса зашла в ванную, и ее глазам предстала следующая картина: в наполовину заполненной водой ванне лежала полная женщина с иссиня-черными волосами по пояс, с сильно подведенными глазами, в которых застыл неопиcуемый ужас. Рот, словно очерченный контуром, был едва приоткрыт, зубы стиснуты. Типично восточная внешность – орлиный нос, пухлые губы, смуглая кожа. Но что больше всего поразило Ларису – так это то, что она была одета, словно ханская наложница. Соски пышной груди едва прикрывали «бронзовые» чашечки, весьма отдаленно напоминающие лиф. Трусики-треугольники были украшены азиатским орнаментом. На ней была куча подвесок из имитирующей золото бижутерии. Руки украшали серебряные браслеты в виде змей с полудрагоценными камнями, а в пупке красовалось золотое кольцо. В черные кудри мертвой были вплетены искусственные жемчуга.

Не слушая Нонну Леонидовну, которая продолжала сыпать обвинениями и раздражаться высокопарными высказываниями, Лариса попыталась тут же трезво оценить ситуацию. И первой мыслью было очевидное: между хозяином квартиры Панаевым и дамой, лежащей в полунаполненной водой ванне, должна была существовать связь, скорее всего телесного характера. Логика – вещь упрямая. Не могла же эта женщина просто так, с бухты-барухты, здесь появиться. Квартира принадлежит Сергею и запирается на железную дверь.

Хмуро осмотрев труп, Лариса вернулась в гостиную, «железная леди» продолжала размахивать какой-то запиской и орать:

– Тут написано твоим почерком!: «Приходи. Жду!» Дальше разобрать не могу, но следствие установит.

Александр Иванович по-прежнему, не вставая с кресла, сидя напротив Панаева, что-то назойливо бубнил, обращаясь куда-то в пол. Из его тирады можно было разобрать только:

– Ноннушка, так нельзя! Мы должны проверить все факты. Тебе вредно нервничать.

Но Нонна Леонидовна не унималась и, потрясая кулаками в маникюре и серебряных кольцах, театрально орала в потолок:

– Кто это писал? Это важная улика! И я тебя упрячу за решетку! Я тебя ненавижу с того дня, как Верунчик, моя ненаглядная деточка, познакомила нас, культурных людей, с тобой. Наконец-то закон до тебя доберется!

– Я не убивал! Я не виноват! – глухо оправдывался Сергей.

– Ну да! Это я, наверное, расстреливаю в ванной твоих любовниц! – разбрызгивала яд «железная леди».

– Это не моя любовница, я совсем не знаю ее, – еле слышно говорил Панаев.

– Значит, это случайная женщина, из бюро интимных услуг, – обвиняющим тоном зашипела теща.

– Я не виноват, – повторил Панаев.

– А кто виноват? – улыбаясь уголком рта, ехидно вставил тесть и заискивающе посмотрел на жену.

Нонна Леонидовна, как в плохом спектакле, одобрительно кивнула в сторону мужа.

Тут дверь соседней комнаты неожиданно приоткрылась, и вышла зареванная Вероника.

– Скажи, ты веришь, что Панаев ее убил? – с ходу спросила она Ларису, не удостоив ее даже обычного слова «привет».

Котова тут же парировала вопрос вопросом:

– А ты?

– Конечно, Панаев – подонок и вполне мог оскорбить и унижить женщину, но такое...

– Почему ты не веришь? – в лоб спросила Лариса.

Вероника смешно нахмурила брови и, слегка причмокнув, заявила:

– Наверное, я слишком хорошо знаю собственного мужа. Он способен на многое, возможно, в драке мог бы убить мужчину, но чтобы женщину... Даже если она проститутка – это не укладывается ни в какие рамки!

- Но, судя по всему, что я здесь увидела, мертвую женщину обнаружили в ванной.
- Да. Мы пришли, как и договаривались, в двенадцать. Панаев открыл нам весь всклокоченный. Я зашла в ванную привести себя в порядок, а там – это...
- А Панаев?
- Он тоже весьма театрально разыграл изумление.
- Да не убивал я! – сдавленно зарычал со своего места Панаев. – Когда вы позвонили в дверь, я только-только встал с постели. И увидел ее первый раз вместе с вами. Для меня это тоже шок.
- Шок! Нет, вы посмотрите на него! – воскликнула Нонна Леонидовна. – Объясни нам тогда, как она попала к тебе в ванную!
- Не знаю, – сокрушенно ответил Панаев.
- У Сергея было много врагов, он часто давал волю рукам, – продолжила Вероника. – Если человек стоял ниже его на социальной лестнице, он уж слишком всегда показывал свое преимущество.
- Что ты хочешь этим сказать?
- А то, что это легко могли сделать партнеры по бизнесу, чтобы подставить его.
- Каким образом? – спросила Лариса. – Принести к нему в квартиру мертвую женщину?
- От его партнеров всего чего угодно можно ожидать!
- Вероника, тут и без тебя тошно! – завопил вдруг Панаев. – У меня нормальные партнеры.
- Да, особенно этот, лысый. Нормальней и придумать невозможно! – Вероника закатила глаза к потолку.
- А что тебе Илюха? Сейчас это модно – стричься под лысину, – оправдывал делового партнера Сергей Дмитриевич. – Да он прекрасно разбирается в искусстве, во всяком случае, лучше тебя, блин! Он полгода на скульптора учился...
- Это же маньяк, а не человек! – продолжила Вероника, не обращая внимания на реплики Сергея. – Еще и на меня уставился: я весь вечер боялась, что меня изнасилуют зверским образом. А этому хмырю все до фени.
- Вероника, гордо вскинув голову с обесцвеченными пергидролью волосами, демонстративно направилась в сторону кухни, бросив на прощание:
- Что будем делать – ума не приложу!
- Надо милицию вызывать! Его надо посадить! – гневно заявила Нонна Леонидовна.
- А вот милиция тут совершенно неуместна, – вдруг вернулась Вероника и бросила умоляющий взгляд на мать. – Ты подумала, что о нас станут говорить?
- Ноннушка, может, все еще образуется, – снова заныл Александр Иванович. На что вышедшая из себя его дражайшая половина разразилась проклятиями в адрес всех Панаевых, погубивших жизнь ей и ее дочери.
- Подождите, и в самом деле, не надо вызывать милицию! – громко сказала Лариса, понимая, что наступил момент, когда ей надо взять бразды правления в свои руки. – Давайте пока сделаем вот что – я пройду в другую комнату и спокойно поговорю с Сергеем.
- Да, пожалуй, ты права, – тут же поддержал ее Панаев.
- Я не думаю, что это займет много времени. – Лариса почувствовала, что ситуация развивается уже привычным для нее образом.
- Прямо-таки мистика какая-то! Жизнь подкидывает ей развлечения в виде таинственных происшествий с криминальным оттенком. Что ж, если следовать теории Курочкина о том, что в любом явлении надо искать положительные стороны, то надо полагать, что лучшее лечение от депрессии – действие. В данном случае – очередное частное расследование убийства женщины, каким-то образом оказавшейся здесь в ванной. Впрочем, возможно, и расследовать тут нечего

– вполне вероятно, что ее прикончил этот самый хозяин, «ужасный гоблин» Сергей. Просто по пьянке. Но, по крайней мере, несколько интересных часов в жизни Ларисе обеспечено.

И, поскольку никто вроде бы не протестовал против ее разговора с Панаевым, она решительно направилась в соседнюю комнату. Панаев обогнал ее, открыл дверь и пригласил сесть в кресло. Сам же он, нервно распечатав пачку «Мальборо», уселся напротив на диван.

* * *

– Ты действительно не убивал эту женщину? – был первый вопрос Ларисы.

– Я ее даже не знаю, – покачал он головой.

– Судя по неубранному столу, у тебя вчера были гости? – кивнула Лариса в сторону гостиной, посередине которой стоял большой стол с остатками еды.

– Да ну как, – Сергей не смог сдержать кривой ухмылки. – Поначалу все было как всегда. Рюмки, тосты, обильная закуска, выпивка. Как обычно, в промежутках болтали о своих делах.

– Может быть, это вызванная тобой через фирму проститутка? Я в курсе, как бизнесмены отдыхают, – в свою очередь усмеялась Лариса.

– Не знаю, – пробурчал Панаев, стыдливо уставившись на литой мельхиоровый подсвечник в виде негритянки.

Ларису ответ несколько удивил, но она не подала виду и решила пока не акцентировать на этом внимания.

– Хорошо, Сережа. Расслабься и постарайся вспомнить подробности. Чему был посвящен сабантуй? – спросила она.

– Вечеринка была устроена по поводу заключения выгодной сделки с компанией «Север». Они взяли в компаньоны только меня и Илью Рожкова – естественно, не все, кто хотел, вошли в долю предстоящей большой прибыли от сделки. А деньги, надо сказать, были ого-го какие!

– Ты конкретно кого-то подозреваешь? – перебила Лариса разглагольствования Сергея.

– Ну, знаешь, в принципе трудно сказать... Я – генеральный директор компании. У меня автозаправка и автосалон. Многие есть, кто недоволен своим положением... Бизнес, сама понимаешь... – И кто же больше всего недоволен?

– Ну, наверное, Виталий.

– Почему?

– Все дело из-за бабы. Пардон, женщины, – поправился Сергей.

– Какой женщины?

– Работает у нас одна, художником-дизайнером. Лиза. Так, ничего себе внешне. Имидж машины с ее помощью всегда устраивал заказчиков. За границей, например, ценят таких специалистов, их держат, чтобы не было перенасыщения рынка ненужными товарами. Машину делают специально по заказу – цвет, фурнитура – ну, словом, то, что внутри, – пояснил Панаев. – Короче, лично меня как женщина эта Лиза не интересовала абсолютно. Но работник она была отличный, знала свое дело и место. Только вот между Генкой и Виталькой случилась неприятность из-за нее.

– Однако я не понимаю, каким образом женщина в ванной может быть связана с этой Лизой? – Лариса снисходительно посмотрела на Сергея.

– А то, что в разгар веселья, когда было решено вызвать девочек из фирмы, Лиза выразила недовольство. Это и естественно, она же женщина.

– Она что, тоже здесь была вчера?

– Да. И устроила сцену Генке. Они вроде как даже живут сейчас вместе. Плеснула на него из бокала вином. Ну, короче, скандал был – что много говорить!

– Угу, угу, – Лариса усердно кивала Панаеву, показывая тем самым, что она внимательно слушает его и верит всему, что он говорит.

Однако она не понимала, насколько все это можно связать воедино. Ну и что с того, что случился скандал между этой Лизой и ее любовником Генкой? Главное-то заключается в том, что в ванной Панаева лежит неизвестная мертвая женщина экзотической внешности.

– Сережа, ты сказал «не знаю», когда я спросила у тебя, не вызванная ли это проститутка? Я насчет той женщины, в ванной, – Лариса пристально посмотрела на Панаева.

– Нет, ее не было, – твердо заключил Сергей и вдруг неожиданно, как бы оправдываясь, заявил: – Говорю же, встал с бодуна великого, услышав звонок, открыл... Потом Вероника как закричит! Я захожу в ванную, чувствую – нос щиплет, запах как от серы горящей. Глядь – в ванной, нате, пожалуйста, как в морге. Это как в анекдоте: глазками морг-морг, и – в морг! И если посадят – ведь ни за что!

– Ну, пока еще не посадили, – попыталась успокоить Панаева Лариса. – Давай вернемся к концу вечеринки. Запер ли ты дверь, когда все ушли?

– Вроде запер. Я, конечно, плохо тогда соображал, – слегка повысил голос Панаев. – Но на ногах держался. Никого на хате не было. А!.. – как бы что-то вспомнив, закричал Сергей.

– Что?

– Точняк, все ушли. Еще Макс последним выходил. Как сейчас помню – он сказал: «Все вытряхнулись, никого не забыли?»

– Кто такой Макс?

– Есть тут один, ходит... – усмехнулся Панаев. – Друг – не друг, а хороший знакомый. Вероника говорит, что он – подъедала с чужого стола.

– Он что, не работает с вами вместе?

– Это мой одноклассник, он пришел просто в гости, и мне было уже неудобно его выгонять. К тому же он такой веселый, анекдоты рассказывает. Так что мужики были не против того, чтобы он остался.

Тут неожиданно дверь распахнулась, и в комнату влетела с истерическим криком Вероника:

– Вот, дождался! Этот твой Макс мог все и подстроить! Он же специально выгадывает, к кому бы на праздник успеть. И крутится со всякими подозрительными типами... И меня ненавидит. Потому что я его вижу насквозь.

– Пошла на х..! – заорал внезапно Сергей. – Ты что, подслушиваешь под дверь, что ли?

– Она за тебя переживает, – раздался противный резкий голос Нонны Леонидовны откуда-то из-за плеча Вероники.

– Пускай свои переживания засунет себе в жопу!

– Нахал! – парировала теща. – Грубиян! За кого я отдала свою дочь, господи ты боже мой! По нему тюрьма плачет...

Лариса укоризненно посмотрела на Веронику.

– Верунчик, я думаю, вам все-таки стоит удалиться. И не подслушивать под дверь. – Тон Котовой был достаточно корректным, но в то же время твердым. – К тому же стресс плохо отражается на коже лица.

– Ты так считаешь? – чуть наивно, прикоснувшись кончиками пальцев к своим щекам, спросила Вероника.

– Об этом говорят врачи-косметологи – сохраняйте в любом положении скандинавское спокойствие... К тому же мы еще не закончили. Если ты доверишь мне как психологу, то дай мне договорить с человеком до конца.

Вероника недовольно развернулась и хлопнула дверь. Лариса вздохнула и почти тут же услышала приглушенный истеричный голос Нонны Леонидовны, которая получила новый повод для выброса своей негативной энергии и принялась изливать яд на тех, кто находился

с ней в комнате. Больше всего, похоже, доставалось Александру Ивановичу. Однако Ларису это интересовало сейчас меньше всего. Она, слегка дотронувшись до руки Сергея, призвала его продолжить.

– Давай успокоимся – их тоже можно понять, – тихо произнесла она.

– Чего их понимать? Баба – она и есть баба, глупая, как курица. Конечно, это к тебе не относится, – поспешно уточнил Панаев.

Лариса усмехнулась, но решила не развивать эту тему. Она продолжила разговор, который все больше напоминал допрос:

– Так кто такой Макс?

– Ну, как тебе сказать. Мой бывший одноклассник, после школы окончил цирковое училище на клоуна, – Панаев слегка хмыкнул. – Да он и в жизни как клоун, только грустный.

– Почему?

– С карьерой у него на арене не сложилось, зарплата маленькая. Ни семьи, ни детей, а вроде хороший мужик. Работает то грузчиком, то продавцом.

– Конфликтов в последнее время между вами не было?

– У меня с ним не было. А у Вероники... Не знаю за что, но она его не любит.

– Почему?

– Жадная очень. Жили мы с ней обеспеченно – отчего человека не покормить? А Макс приходил и сразу в холодильник без спроса залезал. Это Веронику очень раздражало. Мне-то все равно – я на хавку-то вообще денег не считаю. А она – вылитая теща. Лучше бы на косметику меньше тратила, а то сколько ей ни дашь – все как в прорву: дешевле десять таких Максов содержать.

– Сережа, а о каких это подозрительных людях говорила Вероника?

– Да там, блин, – махнул рукой Панаев, – Макс – тоже человек без головы. Мы сидим, деловые вопросы решаем с партнерами – там все люди солидные, крутые, а он может ввалиться с какими-то шалавами, наркоманами, прямо с порога заявить, что пришел познакомиться меня с какими-то, извиняюсь, талантливыми личностями. Вот где они у меня, эти личности!

– И что же, они действительно талантливы? – усмехнулась Лариса.

– Да какой там! – поморщился Сергей. – Все бездельники, наркоманы и неформалы. Туфта, одним словом. Одна пришла – мы еще с Вероникой жили. Приходит полуголая, юбка раз черта, два черта – больше ни черта. Топик прозрачный, без лифчика, и прямо в прихожей спрашивает: «С кем я буду заниматься сегодня любовью?»

– Кстати, а с кем ты занимался любовью сегодня ночью? – неожиданно задала явно провокационный вопрос Лариса.

Панаев сначала опешил, а потом твердо ответил:

– Нет, ни с кем. Мне не хотелось.

– Неужели соблюдал верность ушедшей от тебя жене? – усмехнулась Лариса.

Панаев ничего не ответил и снова уставился на мельхиорового негритенка.

– Может быть, ты все-таки был с ней? С той, что сейчас в ванной? – продолжила напор Лариса.

– Нет! – истошно завыл Сергей, словно раненый волк.

Лариса положила ладонь на его сжавшиеся кулаки, отчего он дернулся, как от электро-разряда, и мягким успокаивающим голосом начала:

– Если ты виновен, Сережа, нет смысла отпираться. Милиция все равно докопается. В конце концов, подумай, что делать с трупом? Как выходить из этого тупика?

– Мы спрячем, сожжем тело, – брови Панаева сдвинулись, а в глазах заблестели огоньки отчаянной энергии. – Может быть, увезем ее на дачу к тетке. Сейчас через задний вход, в гараж – там в багажник, и все... И никакая милиция не найдет.

Ларисе пришлось терпеливо выслушать еще несколько подобных предложений Сергея, и минут десять она просто не перебивала собеседника, каким-то шестым чувством улавливая, что человеку надо высказаться. Потом, когда Панаев начал остывать, понимая, что все его предложения неосуществимы, она, похлопав этого огромного ребенка по мощному плечу, вкрадчивым голосом, стараясь подстроиться под ход его мыслей, сказала:

– Ну... возможно, нам удастся вывезти труп за город и воспользоваться одним из твоих способов. Все это хорошо, однако... Слишком много людей знают об этом, – и Лариса глазами показала на дверь, за которой сопела Нонна Леонидовна, тяжело напирая на нее мощным корпусом.

– И что же делать? – совсем беспомощно спросил Сергей.

– Признаться во всем, что было на самом деле. – Лариса пыталась внушить ему простой выход из сложной ситуации.

– Признаться? Но я в натуре никого не грохнул за свою жизнь! – Восклицание прозвучало вполне искренне.

– Даже эту принцессу из восточной сказки в ванной собственной квартиры? – чуть ехидно спросила Лариса.

Тут из-за двери послышалось кряхтенье Нонны Леонидовны и недвусмысленный шепот:

– Да-да-да, так и есть. Надо его вывести на чистую воду!

– Ты не веришь мне? – отчаянным голосом спросил Панаев, едва сдерживаясь, чтобы не распахнуть дверь и не врезать любимой теще «по тыкве».

– Сережа, – Лариса снова начала политику убеждения, – зная все в подробностях, мы сможем правильно выстроить систему защиты.

– А кто будет адвокатом? – обреченно проговорил Сергей. – Мой бывший друг Либерзон? Конечно, он, других у меня нет. Да и Вероника будет настаивать, чтобы денег не тратить. Знаем мы этих лучших друзей – без мыла в любую щель влезут. А сам бабу у меня увел. Может, он все это и подстроил.

– Ему нет резона! – снова врываясь в комнату и отпихивая мать, которая цеплялась за ее бежевое платье, закричала Вероника, привлеченная повышенным тоном Сергея. – Ему нет резона, – повторила она. – Он остался твоим другом, а что касается тебя, Панаев, то ты полный лох! Ой, мама, да убери ты руки, платье-то новое!

И Вероника раздраженно отпихнула Нонну Леонидовну.

– Правильно, мама во всем виновата! – нервно затрясла та головой, от чего задрожал ее жирный подбородок. – Ночи не спала, за троих работала, твоего отца всю жизнь терпела!

Панаев сердито зарычал. Лариса почувствовала, что если сейчас не вытолкать Веронику с мамашей за дверь, то будет совершено новое убийство, уже на ее глазах. Поэтому она решительно встала в дверях и заявила, что, если истерика не прекратится, она немедленно уедет домой. Вероника успокоила ее и заверила в том, что больше ни она, ни ее мама мешать разговору не будут.

В проеме двери было видно, как Верунчик уводила Нонну Леонидовну в коридор, а та заламывала руки и что-то зловеще шептала, подняв глаза к небесам.

– Ну, так что у вас было вчера? – снова вернулась Лариса к интересующей ее теме. – Может быть, ты просто не заметил этой женщины среди тех, кого привезли? Ну, выпил, был чем-нибудь отвлечен...

– Нет, как я мог бы не заметить! Да не убивал я ее, не убивал! И вообще она не в моем вкусе! – злобно выкрикнул он.

– А какие женщины тебе нравятся? – внезапно спросила Котова.

– Ты что, меня расколоть хочешь? – с запалом воскликнул Панаев.

– Я понимаю, ты вне себя от того, что здесь произошло, но я хочу тебе помочь. Психологи говорят, в такие стрессовые моменты нужно отвлечься. Расскажи мне, пожалуйста, – Лариса

улыбнулась и дотронулась своей рукой до волосатой руки Панаева. Она понимала, что ее предложение выглядит несколько абсурдно, но интуиция ее уже несла вперед. – Давай, давай, потратим на это минут десять, – поторопила его Лариса.

– Слушай, мне как-то Верка обмолвилась, что ты вроде частного детектива, – Сергей очень цепко посмотрел на Ларису.

– Ну, что-то вроде, – в тон ему ответила Котова.

– Так отгадай, кто это сделал, – Панаев кивнул в сторону ванной.

– Отгадаю. – Лариса будто принимала вызов. – Но я должна с чего-то начать. Поэтому и прошу тебя рассказать о женщинах, которые здесь были.

– Значит, расколоть хочешь, – со смешанным выражением угрозы и задора в голосе произнес Панаев.

– Да, расколоть преступника, – согласилась Лариса. – Ведь ты же не убивал ее.

– Не убивал.

– Тогда рассказывай, – Лариса с видом деловой женщины – это был привычный для нее имидж – посмотрела на часы. – А то скоро будет поздно.

– Значит, рассказывать? – Сергей с жадностью закурил новую сигарету.

Лариса кивнула.

– Подростки мне нравятся, – усмехнулся в ус Панаев.

– То есть?

– Ну, девочки-малолетки, лет пятнадцати-шестнадцати. Как школьницы, короче.

– А тебе приходилось вступать в подобные контакты? – с интересом спросила Котова.

– А как же! – Сергей неожиданно начал входить в раж.

– И ты помнишь самое яркое впечатление?

– Да, случалось такое, – ответил Панаев.

Глава 2

Панаева тогда затащил на дискотеку Макс – он любил шастать по таким местам на халяву. Макс танцевал весь вечер с одной девушкой, которая была из другой компании. Потом возник конфликт – кто-то из подвыпивших парней заявил свои претензии: мол, девушка ему изменяет.

– Я тебя, паскуда, насквозь прошью! – кричал пацан на Макса.

– Это ты мне, падла? – орал тот ему в ответ.

С этих двух незамысловатых фраз завязалась потасовка. Разбитые бутылки, держа за горлышки, дерущиеся использовали вместо мечей. Все это напоминало рыцарский турнир в современном варианте. Панаеву тогда запомнилась сама девушка, из-за которой, собственно, и произошла разборка.

Она отошла в сторонку и заплакала. В своем странном прикиде из короткого кожаного платья, украшенного металлическими блестками, вся в медных кольцах и цепочках, она напоминала некую модернизированную Мальвину. Девушку из сказки, которую любят и неудачливый поэт Пьеро, и злобный Арлекин, и, возможно, грозный Карабас-Барабас. Этот эталон женщины каждый мальчик вынашивает в своем сердце – именно такую, слабую и покорную, рядом с которой каждый может ощутить себя настоящим мужчиной и взять ее под покровительство, ищут многие представители сильного пола.

Подросшие охранники вовремя скрутили и зачинщика драки, и Макса. Их уже отвозили в отделение, а девушка безутешно рыдала и что-то истерично говорила подошедшей подруге. Из ее слов можно было разобрать: «Это я во всем виновата! Так всегда бывает!...»

Тем не менее Сергею девушка как-то особенно понравилась. Хотя, в общем-то, неформалки никогда не привлекали его. Он не любил рок и предпочитал слушать попсовую музыку для народа.

Какой-то внутренний импульс подтолкнул Панаева подойти к девушке. Ему захотелось утешить ее и успокоить. Возможно, сказывались трения в семейной жизни с Вероникой. А возможно, просто образ школьницы, этакого нескладного несмышленого создания притягивал его как магнитом. Если бы его спросили тогда – что потянуло его к этой девчонке, он вряд ли бы нашелся что ответить. И было это не столько сексуальным, сколько эмоциональным порывом.

– Вам плохо? – спросил Панаев, подойдя к ней.

– Да нормально мне, – едва ли не нехотя ответила девчонка.

– Это твой парень? – показал Сергей на фигуру пьяного задиры, которого уводили крепкие охранники.

– Я даже не знаю как сказать, – растерялась она. – Он считает, что я ему изменила. А мы с ним даже не целовались. Сам пристал ко мне неделю назад, вот и не отходит.

– У тебя, наверное, много поклонников?

– А что? – запальчиво спросила девчонка.

В этот момент она загадочно улыбнулась, и веселые искорки запрыгали в ее детских глазах. Панаева обдало приливом нежности и чувств.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Николь.

– Это что, имя такое? Для России очень необычное.

– Не-а, вообще-то я Надежда Николаевна по паспорту, вот меня подружки и зовут Николь, – по-простецки ответила девушка. – Неудобно же быть Николаевной в моем возрасте. А так – стильно...

– Ну ладно, Николаевна... А сколько тебе лет?

– Четырнадцать, а что?

– О, возраст солидный!

– Ты так считаешь? – с усмешкой спросила Николь.

– Пройдет время, и ты будешь вспоминать свои четырнадцать лет, как тебя любили и дрались из-за тебя. А сама уже будешь взрослой тетей, и твоим детям будет по четырнадцать лет.

– Я буду такой старой? Тогда меня, наверное, уже не будет в живых.

– Зачем так говорить? Каждый возраст имеет свои преимущества.

– Тогда я не буду уже красивой... – девчонка явно начала кокетничать.

– А это зависит от тебя. И в сорок лет, и в пятьдесят можно выглядеть прекрасно. Представь себе Софи Лорен, Аллу Пугачеву, Брижит Бардо – а они уже взрослые тети. Просто красивые соответственно своему возрасту.

Они так и продолжали этот беспечный разговор, станцевали пару танцев, схватив замечание подруги Николь: «Милая, тебе, оказывается, нравятся старики». На что Николь показала подруге язык и, обняв Сергея, вышла с ним из кафе.

Он довез ее до дома. Дорогая машина Панаева произвела на Николь неизгладимое впечатление, и она его поцеловала прямо у дверей новенького «БМВ».

– Ты настоящий принц из сказки, – проговорила она. – Прямо как в кино. У меня таких ухажеров еще не было. Если бы Кики... ну, та, которая назвала тебя стариком, увидела, какой ты крутой, она бы в обморок упала от зависти. Зато у нее знаешь какой парень скряга – на бутылку пива не раскошелится!

И, сделав небольшую паузу, Николь неожиданно спросила:

– Может быть, зайдешь ко мне?

– А твои родители не будут в шоке от посещения принца? – поинтересовался Панаев.

– Мамы дома нет, она на даче. А папа в командировке, – простодушно призналась Николь.

И они пошли к ней. Николь с родителями жила в двухкомнатной квартире, довольно бедно обставленной. Мебель советских времен, по стенам в гостиной развешаны семейные фотографии... Пока Сергей разглядывал выставку родственников, Николь пошла на кухню ставить чайник.

Жилплощадь была в их полном распоряжении ввиду отсутствия старшего поколения. И когда Николь вошла в гостиную, Сергей, оторвавшись от созерцания портретов на стене, с жадностью набросился на нее. Но она, ловко увернувшись, снова побежала на кухню, на ходу расстегивая кофточку.

И вот он уже судорожно запирает дверь на замок и цепочку на случай непредвиденных обстоятельств, проходит на кухню. Николь стоит у задернутой шторы в розовой комбинации. Глаза ее подернуты грустью, за окном слышен шум отъехавшего автомобиля, видны блики уличных фонарей, отражающихся в окне квартиры. Она опускается на колени и, робко улыбаясь, смотрит на него. Просвечивающая комбинация позволяет видеть ее хрупкое тело и соблазнительные круглые ягодицы. Он поднимает ее на руки, проводит ладонью по ягодицам и нежной ложбинке между ними, а потом опускает ее на пол.

– Холодно как-то, – говорит Сергей.

– Я зажгла газ на плите, сейчас будет теплее.

Николь отползла назад и протянула к нему руки.

– Иди сюда, – позвала она его. – Рядом со мной тебе будет теплее.

Газ еще не успел нагреть помещение, но что-то горячее и томное уже разливалось по его телу. Она обняла его шею и, озорно шепча, спросила:

– Тебе кофе или чай?

Что-то в ее голосе было от робости, а что-то такое, от чего в нем закипала настырная мужская страсть.

– Все равно, – ответил Панаев.

Его сильная рука уже скользила по длинным точеным ножкам юной красавицы. Она поднималась все выше и выше, грубо ощупывая округлые бедра и маленькую грудь. И вот его пальцы коснулись африканских косичек, унизанных какими-то стекляшками. Они были жесткие на ощупь и неприятны для осязания. Наверное, это отразилось в его взгляде, и скромная девичья робость проскользнула в больших глазах розовощекой школьницы.

– Распусти волосы, – попросил Сергей.

Николь поправила выбившуюся прядь. Для неформалки она и впрямь была какой-то запуганной.

– У нас еще полно времени, – она отклонила его руку. – Попьем кофе.

– Нет, сначала распустить волосы.

Его голос, ставший вдруг властным, водопадом обрушился на нее. Ему даже показалось, что Николь уже пожалела о том, что пригласила случайного человека к себе. Она посмотрела на него как загнанный в ловушку зверек.

– Сначала волосы! – чуть не закричал Панаев.

– Тише, ты всех соседей разбудишь!

Но он уже не слышал ее и начал распутывать мерзкие косички сам.

– Нет, нет, не так! – Николь начала расстегивать какие-то заколки. И тут вдруг выяснилось, что это не ее волосы. Она сняла их с головы и расчесала, пропуская между пальцами. Он небрежным жестом взял в руки шиньон – на ощупь он грубый, как щетина.

– Ты разочарован? – спросила Николь.

– Нормально. По крайней мере, твои лучше – ты острижена под мальчишку.

– Тебе не нравятся такие, как я?

– Нравятся, – солгал он. – Вообще мне нравишься ты, такая, как есть.

– Такая... как есть? – повторила она и обвила его шею руками. – Но я не совсем, как есть.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я блондинка от природы, но мне нравится быть жгучей брюнеткой. Мадонне тоже не нравятся ее волосы, и каждую неделю она их красит в новый цвет.

– Плевать мне на Мадонну! Лучше скажи, какая ты на самом деле, – ведь блондинки бывают разные.

Она ничего не ответила. Только задрала комбинацию и приспустила трусики, демонстрируя бесцветный пучок на лобке и вполне школьную щелку.

– У меня такие же, – бесцеремонно заявила Николь, имея в виду цвет своих настоящих волос.

Она подошла к магнитофону и, нажав на клавишу, включила музыку.

– Это должно тебе понравиться. Шура – это нечто среднее для всех: рокеров, металлистов и гоблинов.

– Шура – так Шура, – поддакнул ей Панаев.

Он уже стягивал с нее комбинацию и раздевался сам. Выключил свет и, снова подняв ее на руки, понес в комнату. Из кухни доносилось похожее на мяуканье пение Шуры, а Николь тихо спросила:

– Ты всегда выключаешь свет?

– Всегда.

Панаев в упор посмотрел на Николь и накрыл своими руками ее руки. Она задрожала всем телом, когда почувствовала, как нежно, но вместе с тем настойчиво он стал ее ласкать. Сергей попытался поцеловать ее, но она резко отвернулась. Его открытый рот скользнул по ее щеке, нарумяненное личико находилось совсем близко с его грубым фэйсом, но в глазах ее уже не было той озорной веселости, исчезли искринки, те, которые были на дискотеке. И даже робость, казалось, покинула ее. В глазах отразилось что-то похожее на отчаянную решимость

и животный ужас: он застыл где-то в глубине зрачков. Будто не мужчина ласкал ее, а какой-то монстр, привидение из ужастиков, Чикатило...

- Ты пошел бы с любой, которая бы согласилась, – бросила она упрек. – Подвернулась я.
- Ты не хочешь? – спросил Сергей.
- Все равно сам не уйдешь.
- Хватит!

Панаев оторвался от нее, но она вдруг, как-то хитро улыбнувшись, снова прильнула к его волосатой груди. Он понял это как сигнал к атаке.

Для нее это была игра, а не желание телесного контакта, как это бывает у взрослой женщины. Скорее всего она подражала старшим подругам, которые для нее представляли определенный авторитет и которые своими разговорами, вполне возможно, подталкивали ее к этому шагу. А Сергей подвернулся в удобный момент, когда девушка слегка подвыпила, – как знать, может быть, первый раз. В ее жизни, бедной и ограниченной, шикарная машина, дорогая одежда так называемого поклонника произвели своеобразный фурор в ее воображении. Возможно, пройдет много лет, и девочка, став женщиной и испытав все тяготы семейной жизни простого человека, когда разрываешься между плитой, постелью и работой, будет вспоминать этот вечер, который начинался как игра, а закончился вступлением во взрослую жизнь.

- Сергей уже приступил непосредственно к делу, когда Николь вдруг истошно закричала:
- Нет, Сережа, нет, я не могу! Уходи!

Изнемогая от боли, Николь извивалась на кровати, но Панаев, словно не замечая этого, продолжал с какой-то тупой яростью делать свое дело. Он, на удивление, закончил быстро и тут же встал, вышел в ванную, сопровождая свой путь ругательствами.

Когда он вернулся, Николь лежала ничком, натянув на себя одеяло. Он сел рядом с ней, его толстые пальцы перебирали пряди ее коротко остриженных волос.

- Николь! – прижавшись к ней, он снова страстно зашептал: – Неужели ты так сильно напугана?

Она еще что-то говорила, а потом зарыдала, как ребенок. И было в этой детской капризности что-то непосредственное и чистое, что вряд ли он смог бы понять буквально, но принял душой. Он лег рядом с ней и прижал ее стриженую головку к своей груди.

- Все хорошо, – успокаивал он ее. – У тебя что – в первый раз? Я забыл... Тебе только четырнадцать лет. Извини.

Она уткнулась ему в грудь и робким голосом прошептала:

- Я совсем никуда не похужу. Наверное, я несовременная. Кики говорит, что начала в двенадцать, а я так не могу...

- Эх ты! – пожурил он свою случайную любовницу. – Все еще будет, и муж, и дети. Только больше так не делай, как со мной.

Он встал, уже не помня, как оделся, и вышел на улицу. Эта ночь врезалась в его память навсегда. Сергей вспомнил о том, что в ранней юности он любил такую же точно девушку из одного с ним класса, но она пренебрегала им. И, встретив это юное создание на дискотеке, он как бы вспомнил прошлое и сторицей хотел окупить не реализованное тогда желание.

* * *

Лариса сидела, поджавшись в кресле, и внимательно слушала Панаева. Ей были интересны откровения этого грубого на вид человека, который многим казался черствым и циничным.

Она чувствовала, что ей необходимо, что называется, просканировать личность Панаева, попытаться прощупать его через прошлое, используя весьма распространенный психологический прием. Она находилась под впечатлением от общения с Толиком – он-то и научил ее всем

этим штучкам. Лариса чувствовала, что все произошедшее в этой квартире несет в себе какой-то психологический, а может быть, даже психопатологический подтекст. Поэтому она старалась вести себя подобно тому, как вел себя с ней Толик. Она жалела о том, что Курочкина нет рядом. Возможно, он сейчас оказался бы очень полезен.

И хотя время явно поджимало – труп все еще находился в ванной – и было необходимо принимать какое-то решение, но Котова не собиралась отказываться от этого метода. Она уже вошла в раж.

А экстремальная атмосфера разборок вокруг и около убийства уже давно не вызывала смятения чувств у Ларисы – она имела большой опыт анализа подобных ситуаций.

– Так что тебе больше всего нравится в женском теле? – спросила Лариса.

– Для меня главное, чтобы лицо было симпатичное, все равно какое, – ответил Панаев. – Но особенно обращаю внимание на ноги. Не могу терпеть, когда у бабы, как у мужика, они волосатые. И еще хуже – если усы растут. А вот волосы на голове люблю... Мне нравится, чтобы волосы были длинные, шелковистые и, как бабы говорят, ухоженные. Чтобы женщина на женщину была похожа.

Вдруг Панаев нахмурился и настороженно посмотрел на Ларису.

– А почему ты меня об этом спрашиваешь?

Котова не успела ответить на этот вопрос, потому что в этот момент в комнату вошла грузная женщина лет шестидесяти, скромно одетая в черное платье с глухим воротником, будто пришла на похороны. Оглядев Ларису недобрым взглядом, она спросила:

– Ну, сынок, можно войти? Что тут у вас опять приключилось? Я едва вошла, как все на меня накинудись. И эта ненормальная Нонка что-то орет, а что сказать хочет – непонятно. Молодую из себя корчит – вся в колечках. Не девчонка вроде, а все туда же...

– Мама, ты только успокойся, – сказал Панаев. – Кстати, это Лариса, Лариса Викторовна. А это моя мать, Мария Ильинична.

– Что ты мне хочешь объяснить? Говори сразу, я не люблю вихляний из стороны в сторону, как твоя теща, – Мария Ильинична бросила на Ларису всего лишь один взгляд, не удостоив даже кивка. – Это что, твоя новая жена?

Мария Ильинична говорила о Ларисе так, будто та вовсе не присутствовала в комнате, и намеренно повернулась к ней спиной.

– Мама, сядь, я тебе все постараюсь объяснить... У меня в квартире произошло убийство, – сказал Панаев.

– Что? Кто кого убил? Когда? – градом посыпались вопросы. Мать ошарашенно смотрела на сына. Панаев объяснил Марии Ильиничне, что произошло, и ей по мере его рассказа становилось все хуже и хуже. Ее мучила одышка, и, казалось, она вот-вот потеряет сознание.

Лариса выбежала из комнаты и вернулась со стаканом воды. Мария Ильинична отпила два глотка и, мотнув головой, сказала:

– Нет, больше не надо. А вы кто, наверное, из милиции?

– Мама, я же говорил – это Лариса, подруга Вероники, – раздраженно повторил Сергей.

– Этой вертихвостки, которая себе нашла еврея? – презрительно уточнила Панаева. – Тоже мне, верная жена и заботливая мать!

– Мама, сейчас не до этого, – внутри Панаева снова закипала злость. – Лариса помогает мне. Она наш общий друг. Она помогает разобраться, кому нужно было подложить мне свинью и притащить ко мне в ванную труп.

– А вы действительно можете помочь? У вас большие знакомства? – Мария Ильинична резко развернулась лицом к Ларисе и посмотрела на нее с уважением.

– Я постараюсь, – сдержанно ответила Лариса. – Просто у меня большой опыт частных расследований.

– Вот как? – недоверчиво посмотрела на Ларису мать Сергея.

– Да, и я хотела бы с вами поговорить.

– И что же?

– Для этого я сделаю неожиданный и резкий ход в общении – во благо вам. В такой ситуации лучше не рассусоливать, откуда и что появилось в ванной, а отвлечься и резко переменитьсь.

– Что вы имеете в виду? – удивилась мать Панаева.

– А как вы сами думаете? Куда мы переметнемся? – заговорщически подняв бровь, спросила Лариса.

– Не знаю, – растерялась Мария Ильинична.

– Но прежде чем начать разговор, я хочу договориться, чтобы он происходил наедине.

– Мне что, выйти? – спросил Сергей.

– Я надеюсь, это не нанесет тебе смертельной обиды? – с провоцирующей иронией поинтересовалась Котова.

– Нет, конечно, – с вызовом, резко, ответил Панаев и быстро вышел.

Из другой комнаты тут же послышались возмущенные возгласы, которые, едва он вышел, обрушились на Панаева, и его ленивые отрывистые реплики в ответ.

Мария Ильинична с Ларисой остались вдвоем.

– Теперь вы догадываетесь, о чем я хочу с вами поговорить? – спросила Лариса.

– Должно быть, о Сергее? Ну что ж, давайте, – неожиданно быстро, но вполне предсказуемо для Ларисы согласилась мать. – Может быть, это в самом деле перебьет и отвлечет меня.

И вдруг она почти выкрикнула:

– Если вы хотите знать мое мнение, то лично я думаю, что все это дорогая теща подстроила. С нее станется! Она же, сука, и разбила им семью. Вы только подумайте: его посадят, а Верка с этим евреем въедут сюда и будут жить! А Сережа все это потом и кровью добывал.

– Я вас прекрасно понимаю. Вы сейчас чувствуете боль, обиду, может быть, несправедливость... Правильно ли я вас понимаю? Если неправильно, то скажите – как правильно.

– Чего ж неправильного? Все правильно! – более мягко ответила Мария Ильинична.

Лариса, почувствовав изменение в атмосфере разговора, деликатно произнесла:

– Давайте лучше вспомним детство Сергея.

Мария Ильинична вздохнула.

– Что ж, начинать прямо с того, были ли тяжелы роды?

– Можно начать еще более издалека, – предложила Лариса. – С того, как вы познакомились с будущим отцом Сергея.

– Ну, слушайте, хотя не знаю, чем это вам может помочь, – нехотя начала Панаева. – С Митькой, ну то есть отцом Сергея, я познакомилась на ткацкой фабрике: он там наладчиком работал, а я – ткачихой. Митька тогда учился в институте заочно на инженера. Ну, и как все молодые, сначала встречались, на танцы ходили, потом он замуж позвал, я и пошла. А что мне было теряться? В молодости он знаете какой был! Красавец, умница, а родители мои – люди степенные, простые. Они были не против. Все-таки интеллигентный парень, не какой-нибудь шаромыга. Да разве ж я тогда знала, какой он кобель окажется! Ведь ни одну юбку не пропускал. Тут еще Ирка у нас родилась – она на два года старше Сережки, я после родов, тяжелая вся. Так он – нет чтобы жену пожалеть, роман завел с потаскухой.

– Вы знали о похождениях вашего супруга?

– А кто ж не знал-то?! – Мария Ильинична недовольно встряхнула головой, от чего затряслись большие золотые сережки с рубинами. – Весь район знал! Если сама не догадываюсь, так бабы придут, доложат. Мол, твоего видели – то с секретаршей директора, то еще с какой-нибудь лахудрой фабричной путался. А уж про курорты и командировки я молчу! Там сам бог велел, как говорят. То-то он в Крым любитель был ездить. Там же все гулящие и собираются, а мужики все холостыми становятся на целый месяц. А с секретаршей-то директор-

ской постоянно крутился. Это как вторая жена у султана. Да что говорить без толку – сучка она безотказная, на передок слабая, прости господи. А он к таким так и льнул. Кобель, одним словом! – подытожила Мария Ильинична.

– А Сергей знал о том, как вел себя отец?

– Да уж, наверное, знал. У нас одна в подъезде жила – слепая, глухая, а и та знала. Что же он, не видит, что папаша с сотрудницами под ручку домой возвращался? А уж когда начальником цеха стал – так совсем петух в курятнике. Цех-то – одно название, женсовет, одним словом. Каждую пощупать хочется, а те дуры и рады. Правду говорят, что на ткацкой одни разведенные да неустроенные работают. А он, кобелюга, всех обслужить рад. Даже на 23 февраля в стенгазете на него дружеский шарж был: «Самый любимый начальник». Не знаю, может быть, от этого у них перевыполнение плана было. Но Сережка даже если что и знал, так никогда не говорил. Он характером в меня, в нашу породу. Знает, а мать никогда расстраивать не будет.

– А как сложилась судьба дочери? – осторожно спросила Лариса.

– Ой, детонька! – завопила Мария Ильинична. – Пропавшая она у меня!

– Как это? – уточнила Котова.

– Ну как? – Она развела руками. – Пока молодая была, так все по танцулькам, по ресторанам, по компаниям ходила. Везде ей рады были. Курить начала в двадцать лет. Я уж и билась с ней, а толку никакого. Видно, отцовская кровь гуляет. У нас в роду таких шалав не было. Да это бы все ничего, мало ли кто в наше время, как это сейчас говорят, жизнь прожигает. Да только подруги все замуж повыходили: семьи, детей завели. А моя красавица, – Мария Ильинична махнула рукой и прослезилась, – мужа себе не нашла, а может, и не искала, и малыша даже без загса не родила. А я, может, внуку бы порадовалась...

– Я понимаю, как вам было трудно, – посочувствовала Лариса. – Но у вас была отрада, вдохновение старости – внук Коля.

– От сына – это одно, а от дочери – другое... Чай, двоих рожала, – категорично возразила Мария Ильинична. – Сейчас многие без загса живут. А она у меня, как стрекоза из басни: лето красное пропела, оглянуться не успела – а уж и сорок лет. Ребеночка, может, и хочет, да поздно!

– Но ведь некоторые и позже рожают.

– Да уж... Не вовремя баба собралась. Всему свое время, – вздохнула Панаева. – Да и врачиха-гинеколог говорит – из-за абортот у нее бесплодность. Видно, доля такая.

– Разве нельзя найти себе другое утешение? Хобби, например...

– Да какое там хобби! – вскричала Мария Ильинична. – Любимое увлечение – водку пить!

– Она что, алкоголичка? – удивилась Лариса.

«Так-так, ничего страшного, сейчас мы ее размягчим разговорами о родственничках – похоже, один другого хлеще: муж-кобель да дочь-шалава. Главное, не забыть о цели – детстве Сергея, – подумала она про себя. – Как бы это сделать помягче и не в лоб, чтобы она не почувствовала давления и не встала в стойку?»

– Да нет, она не пьянчуга какая-нибудь, вы не подумайте, – продолжила Мария Ильинична. – Но с горя бывает, с подружкой – есть у нее такая же одинокая – сядут, запрутсся в комнате и за рюмкой молодость вспоминают. Расплачутся – ведь красота и счастье женское – все в прошлом осталось. Одна вот у меня надежда на Сергея – словно свет в окне для меня. И вот случай вышел – спаси, господи, душу мою грешную!

Мария Ильинична неистово перекрестилась.

– На меня тоже Сергей производит благоприятное впечатление, и мне кажется, что он оправдает ваши надежды, – неожиданно твердо сказала Лариса. – А позвольте узнать, какие надежды вы с ним связывали?

– Да Сережа таким ласковым мальчиком рос, добрым, помню – прижмется ко мне, я его глажу по головке, а он как котенок мурлычет... Какое там человека убить – он и жуков в детстве жалел! Один раз чуть даже не ударил одноклассника, когда тот пытался оторвать

кузнечнику крылья, – с дрожью в голосе произнесла Мария Ильинична. В этот момент дверь вдруг открылась, и на пороге появилась сухошавая женщина в джинсах и вязаной кофточке.

– Мама, там Сергей с Вероникой скандалят! – воскликнула она.

Лариса поняла, что это и есть старшая дочь Панаевой. Мария Ильинична тотчас же порывисто вышла из комнаты. А Ирина судорожно затеребила золотой крестик на груди и опасливо поглядела на Котову.

– Присаживайтесь, Ирина, – сказала с улыбкой Лариса. – Ваша мама о вас очень лестно отзывалась. – Моя мама? – искренне удивилась Ирина.

– Вас это удивляет?

– Честно говоря, да.

– В экстремальных ситуациях люди меняются, – лукаво произнесла Лариса. – Да вы присаживайтесь, у меня к вам есть несколько вопросов, если не возражаете.

Ирина присела на краешек стула и ссутулилась.

– Каких вопросов? – совсем растерялась она.

– О вашем брате, его детстве...

– А какое это имеет сейчас значение? К тому же я не умею рассказывать!

Лариса сама до конца не могла четко сформулировать – почему она задает именно эти вопросы, вроде бы не имеющие никакого отношения к случившемуся. Раньше она бы принялась скрупулезно выяснять, кто был в квартире ночью, ехала бы к участникам вечеринки, сопоставляя их показания, – словом, делать то, что сделал бы любой оказавшийся на ее месте сыщик. Но Ларису не оставляло ощущение некоей театральности и экстравагантности – ханская наложница в ванной, неуравновешенный Панаев со своей склонностью к малолеткам. Было что-то подозрительное во всем этом. Она все-таки очень мало знала об этом человеке. А то, что он знаком с убитой, – это было почти очевидно. Только вот убивал ли он ее или нет – это вопрос.

Словом, все говорило за то, что во всем этом скрыта некая тайна, и, возможно, скрыта она где-то в прошлом. В конце концов, Панаев вряд ли просто так признается в том, что он знал эту женщину. Если это была какая-то проститутка и он все-таки виноват в ее смерти, Панаев будет отрицать это до последнего. Основываясь на этих размышлениях, а также на собственной интуиции, Лариса решила действовать по намеченному плану, а именно – опросить всех членов семьи.

– Не надо нервничать, Ирина! Вы взволнованы, вам нужно расслабиться, а от стрессов есть простое народное средство – водка, – сказала Лариса, пытаясь расположить к себе новую собеседницу.

Она бросила красноречивый взгляд на бар, который стоял в серванте около стола в комнате Панаева.

– Вы серьезно? – недоверчиво взглянув на Ларису исподлобья, спросила Ирина.

– Даже врачи советуют в умеренных количествах – почитайте в журналах...

– И то правда, – вдруг оживилась Ирина. – А что – есть водка?

– Я думаю, что у Сергея Дмитриевича должно быть кое-что припасено. Как у многих мужчин.

Котова снова лукаво улыбнулась, встала и открыла дверцу бара. Там она обнаружила больше чем водку – початую бутылку французского коньяка. Это было как раз то, что нужно. Затем она достала две рюмки из серванта и налила в них коньяк.

Ирина сразу осушила свою стопку, а Котова лишь пригубила свою.

– А можно еще? – почти сразу же спросила Ирина, будто ее мучила жажда.

– Конечно, – ответила Лариса и снова услужливо подлила ей коньяка.

Ирина залпом осушила и вторую рюмку.

– Так какие у вас вопросы-то? – явно изменившимся тоном спросила она.

Сестра Сергея буквально на глазах повеселела – куда девались ее совсем недавние зашоренность и зажатость?

– Мне, конечно, есть что порассказать, – продолжила Ирина. – Но о чем, собственно, вы хотели бы услышать?

– Сергей, как мне показалось, был мальчиком впечатлительным. Как он реагировал на измены отца? И потом, вы производите впечатление очень чуткой и внимательной сестры. По-видимому, вы в курсе, скажем так, сексуального взросления Сергея...

– Что вы имеете в виду?

– Да здесь просто снежный ком вопросов! Выбирайте любой. В каком возрасте он узнал о тайне рождения людей? Были ли у него тайные или явные влюбленности – в школе или даже в детском саду? Каких девочек он предпочитал – умных или простушек? Худеньких или пышек?

Лариса согнулась в доверительной позе и мягко поглядела в глаза Ирины.

– Это было летом, в августе, мне тогда семнадцать стукнуло, а Сережке – пятнадцать, – начала говорить Ирина. – Помню, жарница стояла жуткая. Я ходила вся какая-то увядшая. Мы тогда с Сережкой собрались в кинотеатр, но я, собственно, и не хотела идти. А мой друг, который за мной ухаживал, настаивал, чтобы мы встретились именно там. А чтобы он не очень-то приставал, я взяла с собой брата. По дороге встретили мою подругу Ленку, которая увязалась за нами. Мне всегда принадлежала роль предводительницы, это я сейчас сдала, – махнула рукой Ирина. – А тогда я милостиво разрешила ей пойти с нами. Впрочем, потом сама об этом пожалела. Когда мы переходили улицу и уже почти достигли противоположной стороны, какой-то автомобиль, притормаживая, чуть не боднул меня в зад. Мне пришлось отскочить, чтобы не оказаться под колесами. И так измотала эта жара! Ленка, зануда, вечно что-то канючит под ухом, а тут еще какой-то дурак за рулем. Это уж слишком! Я мстительно обернулась назад, но что я увидела! Машина мне была знакома, да и Сереже тоже. Это были «Жигули» с нашим отцом за рулем. Увидев нас, он сконфузился: рядом с ним на переднем сиденье восседала совсем молоденькая девчонка, почти ровесница Сергея, с черными косичками, крепенькая, с большими глазами. И ноги прямо из ушей. Она мне запомнилась на всю жизнь – наглая, громко хохочущая, точно... Это было так неловко! Наш «жигуль» с папашей за рулем быстро уехал, а мы остались стоять с раскрытыми ртами. Все бы еще ничего, но тут Ленка раскричалась на всю улицу, что особенно было неудобно, – мой парень бежал к нам навстречу с цветами, радостной улыбкой, а эта дура орала: «Я знаю, кто это с вашим папой сидел в машине и почему он не узнал вас!» – «Кто?» – выпалила я. «Это любовница вашего отца! Я их видела в парке Победы, они в кустах целовались!» И Сергей тогда взревел: «Ты лжешь!» – кричал он. «Нет, правда-правда!» – настырничала Ленка и топала ногой.

Ирина вздохнула и умоляюще взглянула на Ларису.

– Можно, я еще выпью?

Лариса тут же кивнула в знак согласия. Она внимательно слушала рассказ сестры Сергея, изредка поддерживая ее кивком головы и легким подбадривающим движением руки. Ирина поднялась, открыла бар и снова достала оттуда бутылку коньяка.

– И как все тогда закончилось? – спросила Лариса, когда Ирина выпила очередную рюмку.

– Сергей заорал тогда истошно: «Лгунья!» – и с размаху врезал Ленке оплеуху. Ленка расплакалась, но остановить ее было невозможно. Мне перед парнем было неудобно, но это ее не интересовало. Она заявила, что выследила моего отца, когда он провожал эту малолетку – ей было тогда всего пятнадцать – в общежитие. И даже, брызжа слюной в лицо Сергею, специально сказала ему номер ее комнаты. Наверное, для того, чтобы тот сходил и сам убедился.

– И что, он ходил?

– Не знаю, – ответила Ирина. – Сергей у нас довольно скрытный человек. Но я думаю, что он не удержался.

– Иными словами, содержанка вашего отца была, возможно, первым или одним из первых сексуальных объектов Сергея? – решила уточнить Лариса.

– Ой, да все мужики одинаковы! – махнула Ирина рукой. – Кто им не дается, того они и ценят. Жалко, я раньше не знала. Умнее бы была. Вот если бы мне мать прямым текстом так объяснила, может, я и не дошла до сегодняшней жизни. А то одинокая, никому не нужная, ни детей, ни плетей...

Лариса почувствовала, что Ирина сейчас села на своего любимого конька и что алкоголь явно располагает к тому, что она будет в течение часа выливать на уши Ларисы свои женские проблемы. Но времени на это у Котовой не было: в ванной находился труп неизвестно как попавшей туда женщины.

Лариса дала себе слово потерпеть еще от силы минут пять – нельзя резко перекрывать фонтан красноречия. «Гуманные психологи не имеют права так бестактно выходить из общения», – похвалила себя Котова, вспомнив одну из фраз Курочкина.

Однако на помощь ей пришел сам подозреваемый номер один – Сергей Панаев.

Глава 3

Как только в комнату вошел брат, Ирина тут же съежилась, затем поднялась и какой-то скованной походкой направилась к двери.

«Физиология берет свое, сказывается большое количество выпитой жидкости», – подумала Лариса.

– Кончайте эту бодягу! – хмуро сказал Панаев с порога. – Нужно дело делать, решение принимать.

Лариса не обратила внимания на эту почти директивную фразу и, глядя прямо в серые глаза Панаева, отчетливо и почти ласково произнесла:

– Ты что-то не договариваешь, Сережа...

Котова все так же ласково улыбалась, но взгляд ее будто стал тверже.

– Это в каком смысле?

– Я спрашивала тебя о наиболее ярких впечатлениях в сексе. Но ты мне так и не рассказал о любовнице своего отца.

– У него было много женщин, – хмуро глядя на Ларису, заметил Сергей.

– Я не о женщинах.

– Что? – В голосе Панаева зазвучали нотки угрозы. – Ты на что намекаешь?

– Это не то, что ты, может быть, подумал, – усмехнулась Лариса. – Я о девочке. Той, пятнадцатилетней брюнетке, которая хохотала, сидя на переднем сиденье отцовского «жигуленка».

– Это Ирка тебе выложила? – Панаев стукнул кулаком по журнальному столику, от чего тот затрясся, и мельхиоровый негритенок упал на пол. – Ей нельзя пить. Дура!

Он посмотрел на две рюмки, бутылку коньяка и все понял.

– Тем не менее та девушка была объектом твоего желания. Ты часто грезил в юности ее телом. – Котова нагнулась, чтобы поднять статуэтку.

– А что в этом такого? – перехватил ее взгляд Сергей.

– Нет, ничего странного в этом нет. Подозрительно другое – почему ты не хочешь рассказать мне об этом интересном событии твоей жизни. Первая любовь, как-никак...

– Послушай, Лариса, – лицо Сергея налилось краской. – Может, хватит ломать комедию? У меня лопается терпение. Сколько можно твердить одно и то же? Ты копаешься в чужом грязном белье, а толку никакого.

Панаев взорвался эмоциями, рванулся к окну и с язвинкой произнес:

– Все ей расскажи, покажи да дай потрогать.

– Я хочу тебе помочь, а ты отвергаешь мои старания, – Лариса подошла к нему и пригласила его снова сесть.

– Да ну вас всех к черту! Не буду ничего рассказывать, – заупрямился Панаев.

– Это отнюдь не копание в грязном белье и выворачивание себя наизнанку, – резко и решительно произнесла Лариса. – Это светлое воспоминание о первом чувстве. Признайся, что ты ее ненавидел и... вместе с тем желал. Это ведь сложное чувство, особенно для пятнадцатилетнего паренька, – внушала Котова.

Сергей не отвечал. Казалось, внутри его давили спазмы, которые он сдерживал изо всех сил.

– Ведь своим поведением эта девочка унижала твою мать, честную женщину строгих правил, – продолжала Котова. – Она тянула деньги из вашего отца. Ты не мог не возненавидеть ее. У мужчин буквально с детства формируется два образа женщины, к которым он тяготеет всю свою жизнь: образ святой, прототипом которой часто является мать, и образ доступной жен-

щины, идеальной любовницы. Любой мужчина разрывается между этими двумя шаблонами, и ты, поверь, не исключение. Так ты ненавидел ее? – повторила свой вопрос Котова.

– Да, – выдохнул Сергей словно под гипнозом.

– Может быть, это было началом ее конца? – Голос Ларисы стал еще более вкрадчивым.

– Я не мог ее не возненавидеть.

– А любить?

Сергей замялся. Потом, немного подумав, сказал:

– Это не любовь... Хотя как знать... Я не поэт и не могу разобраться до конца в своем отношении к ней. А зачем тебе все это?

– Иными словами, образ шлюхи – и нечто похожее на высокое: почти необъяснимая страсть, – уверенно заявила Лариса.

– Да, – снова выдохнул Сергей.

– Расскажи мне о ней.

– А если я промолчу?

– Лучше рассказать и быть откровенным. Я чувствую к тебе доверие и хотела, чтобы ты отплатил мне тем же. Чего бы ты у меня ни спросил – я от тебя не утаю. Мне бы хотелось, чтобы и ты был до конца искренним со мной.

– Я не понимаю, какое отношение это имеет к трупам в ванной? – раздраженно спросил Сергей.

– Как знать, как знать, – постукивая кончиками пальцев по полированной крышке стола, уклончиво ушла от ответа Котова. – Прямого, может быть, и не имеет отношения, но бросает тень, которую твои недоброжелатели, вполне вероятно, подстроившие сегодняшнюю ситуацию, могут использовать в своих целях.

– Да кто об этом знает-то? – вырвалось у Сергея.

– О чем? Ты трахал ее? – жестко вдруг спросила Лариса. – Ты искал с ней встречи?

Крепкая смесь обволакивающей мягкости и неожиданных провокаций, граничащих с жестким навалом, раскачали закрытость Сергея. Он почувствовал, как помимо его воли язык все больше и больше развязывается.

* * *

В коридоре общежития ПТУ-5, куда зашел пятнадцатилетний Сережа Панаев, было темно. Одна-единственная лампочка в конце коридора маячила неверным светом, временами мигая и вновь зажигаясь с тусклым, каким-то грязноватым оттенком.

Вентилятор размером с самолетный пропеллер жутко жужжит над головой, колыша растянущуюся по углам паутину. В полупустом помещении изредка показывается какая-нибудь фигура – то долговязого паренька, то какой-нибудь девчонки, то взрослой тети, увешанной авоськами, из которых торчат рулоны туалетной бумаги, купленная по талонам колбаса и пакет желанного в советские времена сливочного масла. И всякий раз, взглядываясь в движущийся силуэт, он мысленно про себя отмечает: «Нет, не она».

Вахтерша, сидевшая в своей стеклянной будке, не отрывая взгляда от вязания, услышав фамилию и имя девушки, недовольно начала ворчать:

– Жди. Уроки оканчиваются полвторого. Пока пройдет, покурит еще, наверное, у входа – сейчас же все модные пошли, современные! Так что часа в два будет... Эх, бесстыдница! Такая молодая, а уже кобелей водит.

– Да я лекцию переписать, – смущенно пробормотал Панаев и густо покраснел.

– Знаем мы эти лекции, – отмахнулась вахтерша. – Переписываете-переписываете, а через девять месяцев – ребеночек незаконнорожденный.

Панаев сконфуженно отошел и стал ждать. Ему нелегко было решиться на этот шаг. И зачем он пришел сюда? Он и сам не знал...

Ему вдруг показалось, что дрожь в коленках скоро перейдет в явно видимый нервный тик. Он недовольно прохаживался из одного конца коридора в другой, и вот наконец... навстречу идет она. Шествует по вестибюлю, не замечая его, размахивая сумочкой на цепочке. Она виляет задом, обтянутым джинсовой юбкой, открывающей колени; черные кудри водопадом ложатся ей на плечи, лоб, щеки. Она смеется чему-то своему и напевает модный мотивчик. А он, оробев, любуется, как она переставляет ножки. Ему известно о ней кое-что важное. Но что?

Она – учащаяся первого курса ПТУ-5, шефом которого являлась ткацкая фабрика, где начальником цеха работал его отец. Она ровесница Сергея. Нет, не это! Тогда что? Она приехала сюда из района. Нет, и это все не важно... Ага, вот! Она – любовница его отца.

Сладкий, запретный плод его воображения и реальное достояние его папаши. В этом Сергей внутренне себе признался, будто это было большим подвигом, и он смог преодолеть какой-то внутренний барьер внутри себя. Именно потому, что эта стройная высокая девочка с какой-то почти цыганской внешностью внутренним магнитом тянет его к себе. Поэтому он хочет сказать ей что-то, но забыл, что говорят в таких случаях. И говорят ли?

Ему хочется побежать за ней по лестнице, по которой она уже поднимается, цокая высокими каблучками итальянских туфель. «Подарок отца», – мелькнуло в голове у Сергея. Ему просто хочется быть с ней. Ведь это так просто и трудно признать одновременно. Хочется отвезти ее куда-то на край света или просто завалить на кровать. Хочется бежать за ней, но ноги как будто приросли к земле. Нет, он знает, чего он хочет.

Конечно же, любым путем проникнуть к ней в комнату, поговорить о чем-нибудь, разорвать на ней одежду и грубым образом изнасиловать. Хотя он толком и не знает, как это делается. Но слышал.

А может быть, совсем не это. Ах да, он знает, чего ему хочется... Целовать каждый сантиметр ее тела, утонуть в ее черных шелковистых кудрях, жадно впиться в набрякшие соски и красивый изгиб восточных губ.

За долю секунды им овладевает безумная мысль, обдает его жаром, после чего в душе воцаряется щемящая пустота разочарования. Ведь она уже почти скрылась из виду, ушла, цокая высокими каблучками. А он так и ни на что и не решился...

Он уже думал уйти, повернулся к выходу и рад был вырваться на улицу, как вдруг судьбоносный голос вахтерши, оторвавшейся от своего вязания, громом обрушился на него. Он вернул его в реальность и погнал навстречу мечте.

– Что же вы стоите, молодой человек? – с язвой напомнила ему бабуля. – Вот она, ваша долгожданная! Или уже раздумали лекцию переписывать? Может, там ничего переписывать не надо? Или другой переписчик нашелся?

– Нет-нет, надо, – поспешно возразил Сережа. – Я и не заметил, как она прошла.

– Как это ты не заметил? Я уж глухая, а и то слышу – топот такой от нее вечно стоит! Я ее по туфлям-то сразу признаю.

И Панаеву ничего не оставалось, как развернуться и побежать за ней. Он поднялся на второй этаж, и вот... Она открывает свою комнату и буквально захлопывает перед ним дверь. Она его, собственно, и не ждала. И не знает, кто это. Она даже не удостоила взглядом.

«Хорошо, что вахтерша этого не видела», – стыдливо подумалось тогда Сергею.

И вот, наконец, Панаев, преодолев робость, постучался. Немного гортанный, с хрипотцой, но все-таки приятный, полный молодой энергии и дерзкого задора голос девушки спросил:

– Кто там?

– Почтальон Печкин, – нагло отозвался Панаев. – Принес записку от вашего мальчика.

В этой его отважности сказывалась выпитая перед приходом в общагу бутылка пива.

– Что ты там принес? – Дверь распахнулась, и девица с вызовом посмотрела на Сергея. – Кто ты такой? Только не говори, что твоя фамилия Печкин...

– Может быть, я все-таки войду? Я по делу...

Снимая кепку, Сергей протиснулся в проем двери, в котором стояла девчонка.

– Так, кто ты такой? – наглым голосом спросила она его. – Отвечай! Ты что, к Маринке пришел?

– Нет, не к Маринке, – засмутился Сергей.

– А у Аньки, по-моему, нет друга. Она книжки читает: книга – лучший друг. А может, она решила поменять хобби?

– Я к тебе.

– Ко мне? А кто ты такой? – Девица оглядела Панаева презрительным взглядом.

– Панаев, – встретив ее взгляд, пояснил Сережа. – Дмитрий Панаев – мой отец.

Этого она не ожидала и как-то неумело почесала себе макушку.

– Твой отец?

– Да.

– Что, он тебя прислал, что ли? – откровенно недоумевала она.

– Нет. Он не знает, что я пришел. И не должен знать.

И тут Сережу охватила паника. Ему захотелось бежать отсюда со всех ног. Зачем он сказал ей это? Зачем пришел сюда?

Он сделал попытку уйти, но она остановила его, уперев ему ладонь в грудь. Ему так хотелось обратно, только вот она никак не убирала руку, а наоборот, кивнула ему:

– Ну-ка, ну-ка, зайди, парень!

Сергей послушно, как сомнамбула, вошел в комнату. Она закрыла за ним дверь, подперла ее спиной и осмотрела его с ног до головы.

– Ты и впрямь на него похож, – заметила она. – Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– Как и мне. Однако ты приткий для своего возраста мальчик.

– Ты тоже, девочка, – буквально впившись в нее глазами, заявил Сергей.

– Зачем ты сюда явился, давай разберемся.

Она покрутила на пальце брелок.

– Только забудь это свое дерьмо насчет Печкина. Может, ты пришел поучиться? Потыкаться захотелось? Ну...

Девица все больше входила в раж. Сергей оторопел. Впервые в жизни с ним так нагло разговаривала его сверстница. Но эта несовершеннолетняя шлюха плевать хотела на приличия. Он знает, что она занимается ЭТИМ с его отцом. По полной программе. От этой мысли ему сделалось мерзко. А она встала в вызывающую позу, поставив ногу на стул, откинувшись и вертя брелком. У нее уже развитая грудь, выпирающая из-под водолазки, круглый живот. Такая тесная юбка, облегающая полноватые ножки! Такой соблазнительной и отталкивающей одновременно она казалась ему тогда, почти что недосыгаемой. И Панаеву стало тошно от сквозного вихря чувств, мерзким холодом обдавшем его изнутри.

– Кто тебя сюда прислал? Уж не твоя ли мамочка, чтобы ты прочел мне правила поведения в общественных местах и наедине с мужчинами? – Девчонка скорчила презрительную гримасу на лице.

Сергей отрицательно мотнул головой.

– Вот это да! – не унималась юная соблазнительница. – Оказывается, ты сам пришел. Остается предположить, что ты решил переспать со мной? А не слишком ли рано, малыш?

Она расхохоталась ему в лицо и, вытянув вперед указательный палец, надавила ему на нос как на кнопку звонка. Движение ее было настолько сильным, что от неожиданности Сергей отшатнулся назад, – ногтем она поцарапала ему правую ноздрю. Он понял: она ждет, чтобы он

отмел это предложение. Он хотел и не смог. Застыл как вкопанный, пялясь на нее как щенок и трогая пальцем царапину на лице.

И вот полоски ее выщипанных бровей ползут вверх. Округляется накрашенный пухлый ротик, расширяются лукавые глаза, подведенные тушью. Она кричит. Ему кажется, что на крик сейчас сбегутся жильцы соседних комнат. Но никого это не колышет. Даже странно... Никого, кроме него и отцовской пассии, нет в эту минуту в комнате.

Ему хотелось сбросить с себя весь этот ужас, проснуться и потом решить для себя, что это был всего лишь страшный сон и что больше этого не повторится. Но это была реальность, которую он сам придумал.

– Тебе известно, что будет, если я расскажу об этом твоему отцу? – Девушка плотно улыбнулась и облизала губы. – Он оторвет тебе яйца, маленький ублюдок!

Кровь стучит у него в висках. Кажется, он лишился дара речи. Он только наблюдает за тем, как пламя, поднесенное к фитилю его терпения, подбирается к заряду.

– Прости, – бормочет Сергей. – Пожалуйста, не рассказывай. Я же прошу у тебя прощения.

– Не у тебя, а у вас, – нагло заявила она.

– У меня не было дурных намерений.

– Конечно, не было, – легко согласилась она. – Ты просто вообразил себя настоящим мужчиной. А на самом деле ты слюнтяй и тряпка. Твой отец – мой любовник. А тебе надо еще подрасти.

Она делает шаг к шкафу. А Сергей уже решил уйти из этого кошмара. И вдруг она оглушает его фразой:

– Я тебя еще не отпускала, – ее тон похож на строгую вздорную учительницу. – Мы еще не разобрались во всем.

И Сергей послушно останавливается, наблюдает, как она достает из шкафа бутылку вина и стаканы. Он замечает, что руки ее трясутся. Горлышко звенит о край рюмки, вино проливается на пол. Девушка залпом пьет. Ее взгляд становится еще более нахальным и задумчиво застывает на его ширинке. В ее взгляде чувствуется властная похоть и женский каприз одновременно.

– Я хочу услышать, как ты говоришь одну фразу, – заявляет вдруг она.

– Какую?

– Скажи громко и отчетливо: «Моя мать – грязная шлюха!»

Его скулы сводит судорога. Такого оборота он явно не ожидал. Он не может этого произнести при всем желании.

– Говори! – крикнула она ему в лицо. – Иначе все расскажу твоему отцу. И добавлю, что ты хотел меня изнасиловать.

Она наступает на него, он пятится. Комната небольшая – три шага, и он упирается в стену. Она с размаху бьет его по лицу.

– Говори: «Моя мамочка – шалава!»

Теперь она кричит как заведенная и лупит его своими кулаками, а он всего лишь уворачивается. Он боится даже загородиться руками, потому что это может окончательно ее взбесить.

– Говори, говори же! – наступает девушка.

И это ему надоедает. Он теряет осторожность и, схватив ее за волосы, бьет об зеркало. Оно с шумом разлетается на куски. Он бьет далее ее с силой по лицу, в живот, по спине. Не веря собственным глазам, он избивает девушку, рвет на ней одежду и тащит на кровать. В припадке бешенства он почувствовал возбуждение от прикосновения к ней, но минутное желание близости тут же сменяется отвращением. Он снова бьет ее по лицу.

– Сама ты шалава! – говорит он и плюет ей в лицо.

Вот и все. Ее обессиленная рука падает. Лицо в крови, под глазом – синяк. Она похожа на уличную женщину: по щекам течет тушь, под носом мокро, волосы рассыпались в кошмарном беспорядке. Она не может унять рыданий.

– Я шалава, я шлюха, – выла она, ползая на корточках.

А Панаев, глядя на девушку, уже почти остыл. И, пользуясь тем, что путь свободен, пробирается по стенке к дверям. Робость вновь начинает возвращаться в его душу. Открыв дверь, он еще медлит, как бы желая продолжить наказание. Но она уже не обращает на него внимание и только повторяет:

– Я шлюха!..

* * *

– После этого ты ее больше не видел? – спросила Лариса у Панаева.

– Нет, – нехотя ответил тридцативосьмилетний Сергей. – Так, видел мельком где-то через полгода. Но все уже перегорело. По-моему, отец ее к тому времени уже бросил.

– А с отцом ты разговаривал о ней?

– Нет, мне было стыдно. Но и она вроде бы ничего не рассказала отцу о том, кто ее избил...

– Это серьезная психологическая травма, – раздался вдруг приятный мужской баритон, совершенно не похожий на панаевский.

Лариса повернулась к двери и увидела плотного мужчину лет сорока, с заостренными, как у покойника, чертами лица. В нем она узнала нынешнего сожителя Вероники, адвоката Романа Исааковича Либерзона.

Во всей его внешности было слишком много напыщенного самолюбования не в меру интеллигентного человека. По крайней мере, именно так выражала свое мнение о нем Нонна Леонидовна.

– Нас опять подслушивали, – сокрушенно констатировала Лариса.

Либерзон, не обратив на нее никакого внимания, поправил на переносице очки в роговой оправе и, поморщив лоб, растянуто сказал:

– Глубокая душевная травма. Чем не основание для системы защиты?

Он еще раз нахмурился и вопросительно взглянул на Панаева.

– Душевная травма одурманенного подростка. Это твой случай, Серега! Я смогу тебе помочь.

– Надо же, сколько помощников! – язвительно заметил Панаев. – Нелегкая работа – из болота тащить бегемота.

– Нет, ну надо же! Мы все хотим помочь этому убийце и мошеннику, а он еще нам хамит! – В комнату вошла, заламывая руки и кривя презрительно губы, мадам Харитоновна.

Видимо, почвы для ее эмоциональных выплесков в той комнате уже явно не хватало.

А Либерзон тем временем продолжал:

– С научной точки зрения ты, Серега, не виноват. Ты действительно не отвечал за свои поступки.

– Какие поступки? – вскричал Панаев. – Рома, ты что, мне шьешь дело? Я говорил только о том, что избил шалаву своего батька двадцать лет назад...

– Серега, успокойся! – Либерзон подошел вплотную к Сергею. – Никто не хочет тебя посадить. Мы хотим по возможности вообще замять это дело. Если, конечно...

Роман Исаакович взглянул на Ларису.

– Это просто какой-то кошмар! – Нонна Леонидовна считала за благо постоянно вмешиваться в разговор. – Это катастрофа! И все это на мою больную голову. Зачем я отдала свою дочь за этого жулика?!

– Мама, прекрати, – вступила в разговор из-за ее плеча Вероника.

– Он еще ответит за свои злодеяния, – пророческим шепотом загундосила «железная леди», стоя в дверях и потрясая наманикюренными кулаками в серебряных кольцах.

– Пошла на х...! – крикнул ей Панаев.

– Быдло. Ну, форменный идиот! – всплеснула руками Харитоновна, буквально выставляемая за дверь собственной дочерью.

Когда дверь за ними наконец закрылась, Панаев, глядя на адвоката горящими глазами, спросил:

– Ты что, действительно считаешь, что я грохнул эту толстую биксу в ванной?

– В собственной ванной! В собственной! – снова заорала Нонна Леонидовна, врываясь в комнату. – Смотрите, он еще и отнекивается!

– Пошла на х...! – спокойно повторил Панаев.

Лариса не обращала внимания на эту перепалку: она анализировала полученную информацию.

А что, если девушка из юношеских лет, как бы ни неприятна была их первая встреча, встретила на его пути, допустим, спустя несколько лет? Неожиданно? Может быть, в интимной обстановке? Как знать, что могло вызреть из этой истории? Но расспрашивать Панаева в присутствии стольких людей не имело смысла.

Котова обвела взглядом комнату. Она увидела лысоватого крепыша Либерзона, который, ходя из угла в угол, что-то пытался доказать и в чем-то убедить своего оппонента и подзащитного. Ерзающую на стуле Веронику, которая боялась, что мама снова ворвется в комнату с проклятиями. Панаева, который откровенно устал от этого кошмара.

– Может быть, ты все-таки не помнишь? Может быть, ты принудил эту женщину силой заниматься с тобой сексом? Может быть, ты не хотел убивать, а просто так получилось? – методично наседали Либерзон.

– Я не делал этого, – вяло сопротивлялся Панаев.

– Может быть, ты просто хотел ее унижить, решил запугать пистолетом? Просто так получилось, – Либерзон прищурил левый глаз. – Случайно, так сказать, неожиданно...

– Нет.

– Кстати, Сережа, где пистолет, из которого было совершено убийство?

– Я не знаю...

– Ты писал эту записку, это же твой почерк! – предъявлял вещественное доказательство Либерзон. – Ее нашли в ванной, на полочке, около банки с зубными щетками.

– Я не писал...

Лариса еще раз посмотрела на Панаева, словно стараясь понять, где этот человек говорит неправду, а где искренен. У нее складывалось впечатление, что где-то скрывается тайна. И что Панаев не до конца откровенен.

Она вышла в другую комнату, где сидели представители старшего поколения и Николай. Последний просматривал какие-то журналы и казался невозмутимым, но Лариса по дрожи его рук и крайне напряженной позе определила, что мальчик явно нервничает.

Лариса подошла к Марии Ильиничне и спросила ее, как можно связаться с ее мужем. Ответ она получила очень быстро.

– Он сейчас дома. Я сама позвоню.

Мария Ильинична набрала номер и, расплакавшись в трубку, произнесла:

– Тут весь дом на ушах стоит. Сережку в убийстве обвиняют... Приезжай быстрее...

В ожидании прошло еще полчаса. За это время Либерзон несколько раз настаивал на том, что пора вызывать милицию. Вероника умоляла его подождать, словно это могло что-то изменить. В конце концов решили подождать прибытия Панаева-старшего и только после этого позвонить по «02».

Наконец прибыл Дмитрий Федорович. Это был сухопарый высокий мужчина с довольно симпатичными, а на взгляд Ларисы, даже благородными чертами лица. Для своего возраста – шестидесяти лет – он весьма неплохо смотрелся. Он с порога сдержанно поздоровался и тут же направился в ванную.

«Наложница», как и следовало ожидать от холодного трупа, по-прежнему находилась там.

Панаев-старший быстро кинул взгляд, на некоторое время застыл, потом вдруг резко поднес правую руку ко рту и слегка надкусил ноготь. Другой же рукой он интенсивно потер мочку уха. Через некоторое время совершил дерганое движение в сторону ванной, как бы наклонился. Казалось, он хотел сделать позу наложницы более удобной.

Когда он повернулся и собрался выйти, Лариса увидела капельки пота на его лбу. «Подозрительно – так на незнакомых люди не реагируют», – подумала Лариса.

И она решила немедленно взять Панаева-старшего в оборот. Представившись подругой Вероники, она попросила его о краткой беседе.

Дмитрий Федорович выглядел слегка растерянным, но присутствия духа не терял. Он довольно быстро согласился на разговор. Лариса и Панаев-старший прошли в комнату Сергея и попросили всех находившихся оттуда удалиться.

– Вы понимаете, что ваш сын является главным подозреваемым в убийстве этой женщины? – довольно напористо начала разговор Лариса.

– Вы что, считаете, я воспитал убийцу? Что я совершил грубые педагогические просчеты? Уверяю вас, я не знаю, в чем виноват как отец, – Дмитрий Федорович потер свои мозолистые ладони. – Я всего лишь простой инженер, вышедший из рабочих. Много учился и работал. Был даже начальником цеха на ткацкой фабрике. Сам никогда никаких грехов не совершал, хотя соблазнов было много.

– А ваши отношения с женщинами – это что, грех или добродетель? – Лариса усмехнулась ироничной полуулыбкой.

– С женщинами – у кого же не бывало...

– Вы уважали тех, с кем проводили время?

– Я всегда уважал женщин, даже вечно недовольную всем жену, даже гулящую дочь. Учил и сына с уважением относиться к слабому полу.

– У вас хорошие отношения с сыном?

– Ни у кого не было лучшего отца, – неожиданно высокопарно ответил Дмитрий Федорович.

«А вот это весьма сомнительно», – подумала про себя Лариса. Исходя из показаний матери, папаша, погрязший в сластолюбивых утехх, не мог удовлетворительно выполнять отцовские обязанности. То же самое, собственно, можно сказать и о матери, которая, не найдя счастья в супружеской жизни, воркует и пускает слюни над сыном, который, в свою очередь, вынужден разрываться между восхищением перед родителями и отвращением к ним.

Если добавить к этому пунктики неумемного сексуального воображения в юности, почти патологическую тягу к сексуальной вотчине отца в лице его несовершеннолетней наложницы, то Сергей вообще выглядит сумасшедшим мечтателем. Он, конечно, преждевременно созрел для половой жизни, но на титул чемпиона вряд ли мог претендовать.

Тем временем стариковский бас Дмитрия Федоровича оторвал Котову от размышлений, которые уже разливались ручьем, пока не выстраиваясь в стройный ряд.

– Это все материнское воспитание, – гаркнул отец. – Ханжество! Вот что я вам скажу... Я не удивлюсь, если мой сын всади пулю в эту женщину. Наверное, она его шантажировала или, если предположить, что она его любовница, изменяла...

Пока Дмитрий Федорович говорил, размахивая руками, и время от времени бросался нецензурными словами, Лариса отметила в нем некоторую нервозность, которая выражалась в движениях и наклоне головы. Словно он что-то хотел скрыть или спрятать за внешней своей

оболочкой. Во время разговора он все время старался пристроиться сбоку от Ларисы. Он не сидел спокойно на месте, а все время ерзал, дергался, временами вставал, потом снова садился. Глаза его расширялись, а лицо часто гримасничало – верный признак лжи и замалчивания чего-либо.

По своему обыкновению Котова долго не перебивала Панаева-старшего. Она знала, что человек, когда его не останавливают, теряет осторожность и может ненароком сболтнуть лишнего. Но словесный поток, уже принявший не то русло, нужно было оборвать, так как выслушивать обвинения в адрес предков Марии Ильиничны и «всей ихней породы» никак не вписывалось в ее планы.

– Дмитрий Федорович, – тихо напомнила она о своем присутствии.

– Да, – вдруг почему-то робко откликнулся он.

– А вы ведь не все мне рассказали...

– Разве? – еще более неуверенно переспросил Панаев и виновато посмотрел на Ларису как пойманный за руку ребенок, которого застали врасплох за поеданием запретной банки варенья.

– Вы не волнуйтесь, – решила задать тон доверительной беседы Котова, боясь, что слишком строго с ним нельзя, иначе совсем замкнется.

– Это, знаете, возраст, – хватаясь за сердце, сказал Панаев. – Может, чего и забыл сказать. Оно ведь не упомнишь всего – жизнь-то большая.

– Но в ней бывают такие события, которые с течением времени не теряют былой яркости. А порой даже становятся более красочными, обрастая кучей подробностей личного и интимного характера.

– А собственно, вы о чем?

– Не стоит притворяться, – Лариса, прищурившись лукаво, но вместе с тем ободряюще улыбнувшись, понимающе произнесла: – Вы взрослый, убеленный сединами человек. Возможно, говорить об этом сейчас трудно. А может быть, даже стыдно...

– Вы все-таки что имеете в виду? – Панаев слегка побледнел.

– Я хочу напомнить вам об эпизоде с некоей пэтэушницей, пятнадцатилетней девчонкой, которая была вашей любовницей, – выстрелила Лариса, пристально глядя в глаза Панаеву.

Панаев дрожащими пальцами закурил сигарету.

– Нелегко признаваться в ошибках молодости. Или, может быть, зрелости, – слегка поправился он. – А был я ого-го какой! Я же спортом всегда занимался. Главный инженер – у всех на виду. И с женским полом всегда складывалось как нельзя лучше. Жена вот только очень ревновала.

– Я извиняюсь, Дмитрий Федорович, давайте перейдем прямо к делу, – прервала его монолог Лариса, побоявшись, что он отклонится от главного. – Убитая в ванной напоминает ту самую девчонку, с которой у вас была связь?

Панаев поднял глаза на Котову, пристально посмотрел на нее, потом затянулся большой, очень большой затяжкой и тихо сказал:

– Это она и есть.

Котова, на которую это заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы, тем не менее сделала вид, что она предполагала такой вариант ответа.

– Правда, я ее не сразу узнал, – сглотнул слюну Панаев. – Только потом пригляделся и понял, что это она. Ужас... Убийство, возможно, совершенное моим сыном. Не думал я, что наши пути снова пересекутся вот таким образом...

Он посмотрел куда-то вдаль, обращаясь скорее к какому-то образу, чем к реальному лицу. Его взгляд затуманился, и он на мгновение остановился, тяжело переводя дыхание.

– Кстати, как вы думаете, почему я сознался в том, что я ее узнал? – с вызовом воскликнул Панаев-старший.

Лариса решила не оставлять эту провокацию без внимания. Есть прекрасная возможность поупражняться себя в выдвижении предположений. Тем более их сейчас же или опровергнут, или подтвердят. Ко всему прочему, это укрепит ее авторитет и усилит доверие.

Взяв небольшую паузу, чиркнув зажигалкой и глубоко затянувшись, она начала:

– Версия первая. Буду нескромной. Может быть, я расположила вас к себе и отношусь в вашем восприятии к той категории людей, которые не вызывают у вас чувства угрозы или опасности. Версия вторая, – методично продолжала Лариса. – Когда на человека сваливаются различного рода стрессы, у него появляется влечение к доверительности. Она может выплеснуться на любого встречного. Этим встречным в данном случае оказалась я. Я могу продолжать... Есть и третья версия. Я увидела, как вы среагировали на труп в ванной. Ваша реакция была очень прозрачной и откровенной.

– Да, почти все ваши стрелы летели если не в десятку, то уж в девятку точно, – согласился Панаев. – Я сначала подумал, что этого не может быть. Потом присмотрелся: вроде бы не она. Потом – что она. Шутка ли – двадцать лет прошло. Она тогда девчонкой была пятнадцатилетней...

– Вы давно с ней расстались?

– Связь между нами продолжалась года полтора. Потом она уехала по распределению.

– То есть вы хотите сказать, что с тех пор ее не видели? – Котова цепко посмотрела на Дмитрия Федоровича.

– Нет, не видел.

– И в последнее время тоже?

– Конечно, нет! Я вообще не знаю, откуда она здесь взялась. Как привидение какое-то свалилась.

– Судя по ее одежде, Дмитрий Федорович, она была проституткой, – вкрадчиво сказала Лариса.

Панаев только тяжело вздохнул и метнул взгляд на стоявшую на журнальном столике бутылку коньяка.

Лариса тут же поняла его желание и быстро налила ему. После того как Дмитрий Федорович выпил, он продолжил:

– Ее звали Белла Смирнова. Она поступила в ПТУ, над которым шефствовала наша ткацкая фабрика. Она тогда была совсем молодая, с деревенской хваткой и обаянием. Правда, несколько грубоватая для своего возраста.

– Вы познакомились на фабрике?

– Да, она проходила там практику. Она сама изъявила желание познакомиться со мной поближе.

– Она вас соблазнила?

– Да, можно сказать, что и так, – чуть усмехнулся Панаев. – В обеденный перерыв она ко мне под села в столовой. Разговорились... Уже не помню, о чем дословно мы говорили. Но договорились встретиться вечером. Я вел себя как пацан – вообще не был уверен, что мною могут интересоваться вот такие девчонки. Хотя умом понимал, что такое в принципе возможно. И чудо произошло.

– И как же это все было?

– Я решился прямо в конце нашего первого вечера, – чуть улыбнулся Панаев, наливая себе еще одну рюмку коньяка. – Я внезапно начал жадно и неуклюже от стеснения целовать ее, а ее рука вдруг скользнула в мою ширинку. Она ласкала меня там пальцами, а я с силой надавил на ее сосок. Потом Белла закричала и пыталась убежать. Я догнал ее, а она, зареванная и напуганная, повторяла одно и то же: «Ты такой же, как он. Все мужчины одинаковы». Тогда эта фраза заставила меня сомневаться в себе как в мужчине, вселяла неуверенность. Лишь спустя некоторое время я понял смысл этих слов.

– В чем же было дело?

– Белла родилась в деревне недалеко от нашего города. Мать ее нагуляла от шабашника-армянина. А чтобы прикрыть грех, вышла замуж за местного скотника, который и дал ребенку свою фамилию, а матери – печать в паспорте. Однако девочку, как просил настоящий отец, назвала Беллой.

– Отношения в семье Беллы, надо полагать, были не из лучших? – сочувственно спросила Лариса.

– Белла рассказывала мне, что все ее детство прошло в унижениях и побоях, – вздохнул Панаев, опрокидывая рюмку. – Мать, вечно униженная попреками пьяницы-мужа, сама со временем спилась. А в тринадцать лет Беллу изнасиловал отчим. Потом это неоднократно повторялось. В милицию заявить она боялась, так что желание вырваться из этой трясины было ее своеобразной первой победой. Возможно, что я тогда ей нужен был больше как отец, чем как любовник.

– Вы говорили, что она была груба...

– А с чего ей быть нежной – детство было таким, что не дай бог никому. А я по-своему ее любил. Даже не знаю, была ли это полноценная любовь мужчины к женщине. Она была тогда ребенком, наглым и развратным. А иногда мне казалось, что Белла боится и ненавидит мужчин.

– Она вела себя агрессивно?

– Доброй я ее не назвал бы. Скорее чутко чувствовала чужую беду, остро чувствовала... А была она красивой, страстной... – подумав, добавил Панаев.

Лариса посмотрела на него и отметила его задумчивый взгляд и внутреннее напряжение, обозначившееся в складках губ и продольных морщинах лба. Ей было искренне жаль этого пожилого человека, так некстати и неожиданно, при странных обстоятельствах встретившего свою любовь через двадцать лет.

– И еще один вопрос, Дмитрий Федорович. Вы что-нибудь знаете об отношениях вашего сына и Беллы?

– Нет, ничего не знаю, – твердо ответил Панаев-старший. – Я был просто шокирован, когда увидел ее мертвой в ванной.

– Мне кажется, стоит подвести итоги, – мягко сказала Лариса. – Думаю, что скоро все равно все раскроется. Поэтому лучше будет, если я объявлю о том, кто эта женщина.

– Может быть, не надо? – робко попробовал возразить Дмитрий Федорович.

– Без этого не обойтись. Кстати, может быть, Сергей и не убивал ее вовсе. Хотя, конечно, очень подозрительное совпадение. Он начисто отрицает, что знает ее.

– Помню, что Сергей тогда, двадцать лет назад, несколько отдалился от меня. Резко со мной разговаривал, – наморщив лоб, сказал Панаев.

– Это было, когда вы встречались с Беллой? – уточнила Лариса.

– Да. Это я к тому, что он мог – ну, как это... – Панаев замялся.

– Мог испытывать к вам неприязнь из-за нее, – помогла ему Лариса. – Если, конечно, знал о вашей связи.

– Я не хочу с ним говорить на эту тему, – неожиданно резко сказал Панаев.

– И не надо, – поддержала его Лариса. – Потому что времени все равно, видимо, не будет. Надо звонить в милицию и прекращать этот бардак.

Она встала с кресла и вышла в гостиную. Там было очень накурено – так, что Мария Ильинична распахнула настежь окно и сама встала возле него, с облегчением вдыхая струи свежего воздуха.

Нонна Леонидовна, не обращая внимания ни на кого, с аппетитом поглощала жареного цыпленка, держа его кусочки большим и указательным пальцем и демонстративно оттопырив остальные. Ела она так вызывающе, что ей вполне можно было сниматься в рекламном ролике

каких-нибудь полуфабрикатов. Заметив взгляд Ларисы на себе, мадам Харитонова, играя голосом, сказала:

– Ларочка, не обращайтесь на меня внимания. Это у меня нервное. Когда я взволнована, я поглощаю много калорий.

– А переживать тебе вредно, – начал тут же подхалимничать ее муж, Александр Иванович.

– Лариса, у тебя есть что нам сказать? – нетерпеливо и нервно спросила Вероника.

– Ты чрезвычайно догадлива, – ответила Котова. – Я попросила бы минутку внимания.

– Ты определила убийцу? – В голосе Вероники явственно ощущались нотки радости.

Обольстившие некогда Сергея Панаева глазки-незабудки снова заиграли двусмысленным огоньком. А Роман Исаакович, одетый в свой излюбленный безукоризненный строгий костюм, галстук и белоснежную рубашку, подошел к Веронике и обнял ее за плечи.

– Личность убитой мы установили. Все очень просто... Это некая Белла Смирнова, в свое время, достаточно давно, имевшая связь с присутствующим здесь Дмитрием Федоровичем Панаевым. А убийца – он! – Лариса показала на Сергея.

– Что? – Сидевший за столом Сергей, в некотором отдалении от всех, угрожающе приподнялся.

– Какую связь? – обомлела и побледнела Мария Ильинична. – Какая такая Белла?

– Что?! – заорала Вероника, закашлявшись и выпуская клубы табачного дыма.

Пепел от сигареты упал на бежевое платье, и она с ужасом вскочила.

– Слава богу! Не прожгла... – удовлетворенно произнесла она.

И тут же, повысив голос до требуемой в этой ситуации отметки, театрально завопила:

– Все-таки это ты, Панаев! Скотина!

– Я невиновен! – в свою очередь закричал Сергей, и крик этот заглушил все остальные голоса в гостиной.

Мария Ильинична сначала посмотрела на своего мужа, который сидел опустив голову, а потом перевела взгляд на сына.

– Сыночек, что же ты наделал?! – не сдерживая рыдания, воскликнула она и с укором посмотрела на Котову. – Эх вы, а говорили, что поможете. Мало того что не помогла, а еще все выложила. А я-то, дура, перед ней душу выворачивала.

Дочь Ирина наблюдала за всем происходящим достаточно безучастно – алкогольное опьянение действовало на нее умиротворяюще. Сын Панаевых, Николай, молча сидел в кресле и мрачно смотрел на разворачивающуюся разборку.

Тон в ней, естественно, задавали эмоциональные женщины. Мария Ильинична причитала, а Нонна Леонидовна, казалось, торжествовала и чуть ли не хлопала в ладоши от радости. А сама Лариса Котова удивлялась, как это родилось такое стадное чувство, что они поверили именно ей в том, что Панаев – убийца, и даже не потребовали никакой аргументации. Хотя в принципе это было понятно: присутствие нервных женщин, да еще имеющих – каждая свой – зуб на Сергея Панаева сдвинуло атмосферу в совершенно неконструктивном направлении.

Ларису неожиданно потянуло на глобальные обобщения. «Да, некоторые сборища сродни толпе, которая в свою очередь напоминает пороховую бочку. Только поднеси к ней спичку, как она взорвется всплеском экстремизма, – подумала она. – И удивляйся потом, откуда в обществе такая агрессивность!»

– Ура! Наконец-то его посадят! Лет десять о нем ничего не услышу! – восклицала Нонна Леонидовна.

– А может быть, и расстреляют, – мерзко подблеял ей верный муж Александр Иванович.

– Тем лучше! Представляешь, Сашенька, какие мы теперь счастливые! – не унималась Харитонова. – Сама судьба пришла на помощь.

И она чмокнула на радостях своего супруга в лобик. Вероника и Либерзон вели себя более сдержанно, негромко перебрасываясь между собой какими-то фразами. Что касается Панаева, то он после того как выкрикнул, что он ни в чем не виноват, вдруг махнул рукой и снова опустился на свое место.

– Господа, я думаю, что надо вызвать милицию! – вновь напомнила о себе Лариса, пытаясь перекричать мать и тещу Панаева.

Она старалась не встречаться взглядом с Сергеем, поскольку понимала, что сейчас отношение его к ней может быть только негативным.

– Я думаю, что детали случившегося установят именно органы, – добавила Лариса.

– Ура, еще раз ура! Виновник будет наказан! – Торжеству Нонны Леонидовны не было предела.

– Какая ты подлая! – с горечью произнесла Мария Ильинична, глядя прямо в лицо свахе.

– Чья бы корова мычала! – огрызнулась та. – Воспитала убийцу!

– Да пошла ты! – неожиданно вялым голосом возникла в разговоре Ирина, которую, видимо, задела эти слова.

Но главным в конфликте все же было противостояние родителей Сергея и Вероники, поэтому на вежливый посыл на три буквы в исполнении алкоголички Ирины никто не обратил внимания. Нонна Леонидовна и Мария Ильинична готовы были вцепиться друг в друга. Чуть было не началась женская драка, бессмысленная и беспощадная. Однако подоспевшие Панаев-старший и строгий адвокат Либерзон стали растаскивать женщин по разным местам.

Когда свара улеглась, Вероника спросила Ларису:

– Неужели мы сдадим его в милицию? Представляешь, какие пойдут разговоры?! Ведь он по закону еще мой муж.

– Сама виновата, – гаркнула из своего угла Нонна Леонидовна. – Сколько раз тебе говорила – разводишься, разводишься! А тебе хоть кол на голове теши... Впрочем, и новый твой муж мне не очень нравится.

Роман Исаакович скептически взглянул на потенциальную тещу, усмехнулся уголками рта, но ничего говорить не стал и дипломатично промолчал. Должно быть, он понимал, что в ее словах не было ни грана здравого смысла.

– Да, надо звонить в милицию, – подал голос Дмитрий Федорович.

Он, пожалуй, был единственным, кто сохранял невозмутимость и спокойствие, если не считать Ларису и не принимавшего никакого участия в разборке пятнадцатилетнего Николая.

– И так уже подозрительно будет выглядеть, почему мы так долго не звонили.

Либерзон, поймав взгляд старшего Панаева, кивнул и подошел к телефонному аппарату.

А Лариса продолжала наблюдать за Сергеем. С одной стороны, его вялое поведение могло показаться изошренным хладнокровием и желанием якобы скрыть свое нервное состояние. Но Лариса все-таки больше видела во всем этом следствие усталости.

Тут Котову тронула за рукав Вероника и улыбнулась загадочной улыбкой, по которой сложно было понять, что у нее на уме.

– Мама просто раздражена, – сказала она. – В последнее время она вообще ненавидит мужчин.

– Это почему?

– Как бы тебе это сказать... Бывшим красавицам нелегко думать, что у них не будет больше поклонников, любви и счастья. Знаешь, какая она была в молодости – грациозная и изящная!

Котова удивленно подняла брови. Сейчас, глядя на эту тумбообразное мясное желе, сложно было себе это представить. Но она не стала спорить и, кивая в такт словам Вероники, продолжала наблюдать.

Либерзон, уже было собравшийся набрать номер телефона, вдруг обратил взгляд на Панаева. – Серега, конечно, положение не ахти какое веселое, – произнес он. – Но я постараюсь тебе помочь. Мы спишем все на психическую недееспособность. У тебя же есть в конце концов статья 8Б, по которой ты не служил в армии. Ведь так, Мария Ильинична? – он обратился к матери.

– Что такое 8Б? – удивленно спросила Вероника.

– А ты разве не в курсе? – в свою очередь удивилась Лариса.

– Что он не служил в армии – в курсе. Только не знала почему. Меня это не очень интересовало.

– 8Б означает невротическое развитие личности с неустойчивой компенсацией, – с энциклопедической точностью процитировал Либерзон. – В принципе, ничего особо страшного. Но помочь в системе защиты может. Кстати, ты мне ничего не говорила о том, что твой муж состоял на психиатрическом учете.

– Но я не знала об этом!

– А Роман знает... – заметила Лариса.

– Роман – его лучший друг, – со смешанным оттенком гордости и зависти произнесла Вероника. – Вернее, бывший друг.

– Ладно, сейчас не время рассуждать об этом.

Панаев, совершенно раздавленный, в том числе и заявлением Либерзона, сидел, обхватив руками голову. Вдруг он повернулся к Ирине.

– Ты мне тоже не веришь, сестренка?

– Я ничего не знаю. Я боюсь... – сделала круглые глаза Ирина.

Потом она вдруг встала и порывисто, насколько позволяло ей состояние опьянения, убежала в соседнюю комнату. Некоторое время спустя оттуда донеслись сдавленные рыдания.

– Понятно, – зловеще прошептал Сергей. – Никто мне не верит. Даже ты, мама.

Вдруг неожиданно в его поведении проскользнули элементы экзальтации и даже какой-то театральности, и Сергей с надеждой и каким-то отчаянием посмотрел на Марию Ильиничну.

– Я, сынок, всегда верю в тебя. Даже если ты и виновен, мать всегда поймет и всегда простит. Мать, Сереженька, бывает одна, – Мария Ильинична посмотрела на сына умиленным и одновременно трагическим взглядом.

В глазах у нее стояли слезы... А Либерзон тем временем вызывал милицию, предварительно оговорив со всеми присутствовавшими, что на месте преступления, то есть в квартире Панаева, они появились только что.

Котова вздохнула и посмотрела на часы. С момента звонка в милицию прошло двадцать минут. Похоже, первая часть расследования подходит к концу. И прошла она довольно насыщенно – в течение нескольких часов, не выходя из помещения, в английском, так сказать, стиле, она узнала многое. Но еще многое предстоит узнать. И для этого, конечно, придется слегка подвигаться. Но это будет скорее всего завтра – Лариса почувствовала, что от умственной работы она устала. Ей было необходимо побыть одной и подумать.

В этот момент на лестничной площадке послышались торопливые шаги мужских ног, обутых в тяжелые ботинки.

Нонна Леонидовна, заслышав звонок в прихожей, радостно рванула навстречу милиционерам.

– Наконец-то. Здравствуйте. Проходите и забирайте его! – с привычным для себя театральным пафосом воскликнула она.

– Возьми себя в руки, мама! – прикрикнула на нее Вероника.

– Совсем в моей семье меня не понимают, – махнула рукой Харитоновна и стала объяснять молодому, еще зеленому офицеру, как она, такая порядочная и законопослушная женщина, оказалась в одной квартире с убийцей и маньяком.

Она так много разглагольствовала, что не забыла рассказать между прочим о какой-то любовной интрижке из ее святой молодости, когда она была недоступной и умопомрачительной, чем вызвала неуместные в данном случае циничные улыбки милиционеров. Впрочем, «железная леди» расценила это как комплимент.

– Я всегда была полна жизненной энергии, – заключила Харитоновна. – Сашенька, принеси что-нибудь поесть. Мне надо восполнить калории.

С этими словами она уселась в кресле, закинув ногу на ногу, ожидая в голодном достоинстве, пока верный Александр Иванович принесет ей десерт.

А Сергей не сопротивлялся. Молча дал одеть на себя наручники и увести. На прощание он бросил Ларисе:

– Я надеюсь, что все прояснится. Это кто-то подстроил. Кто – я не знаю. Больше всего мучаюсь мыслью, что подумает мой сын. А так я ничего не боюсь...

...Котова возвращалась домой сквозь сумерки вечернего города, а в голове все еще проносились неприятные видения: люди в штатском, очерчивающие по контуру недвижимое тело полуголой женщины в ванной, отчаяние в глазах Сергея, крик отчаявшейся матери, Марии Ильиничны, и грохот, бесконечный грохот тюремных засовов.

Глава 4

Лариса окончательно распрощалась со своей собственной депрессией. Действительно – разве это проблемы! Тут вон как события разворачиваются! Подкинули Панаевы проблем... Впрочем, для нее, привыкшей к разгадыванию таких головоломок, это уже не проблемы, а даже в какой-то мере удовольствие. Удовольствие, получаемое от раскрытия тайн, которые люди хотят скрыть.

Довольно интересная получается картина. Хозяин квартиры, Сергей Панаев, оказывается, знал убитую Беллу Смирнову с очень давних времен. За основанием для убийства далеко ходить не надо – месть за давнишнюю сексуальную неудовлетворенность. А может быть, он так злопамятен, что пронес обиды сквозь годы и отомстил за мать? Однако все это пахнет подростковым экстремизмом, что солидному бизнесмену тридцати восьми лет все же совсем не свойственно.

Да и какой серьезный бизнесмен, убив предмет своей неудовлетворенной страсти, будет так вызывающе откровенно держать ее у себя дома в ванной? Только какой-нибудь заматерелый шизофреник может так демонстративно раскидывать трупы у себя дома! А Панаев на шизофреника отнюдь не похож... Ко всему прочему Панаев, судя по многим признакам, был мертвецки пьян ночью и не способен не то что пистолет держать в непослушных руках, но и спокойно мог промахнуться во время мочеиспускания мимо унитаза. Однако... Рассказы о становлении его сексуальности, патологической и провоцирующей различного рода комплексы, с другой стороны, настораживают.

И все же Лариса была почти уверена, что Сергей Панаев тут ни при чем. Значит, кто-то хотел, чтобы убийство было повешено на него. Но кто мог знать о его отношениях с этой самой Беллой? Убить ее где-то, потом открыть квартиру, положить в ванную? Бред какой-то!..

Вопрос в том, кто имел ключ от квартиры. Вот, наверное, где разгадка. И не нужно грешить на какие-то психологические выверты хозяина. Кто-то, пользуясь бессознательным состоянием Сергея, вошел к нему в квартиру и совершил убийство Беллы, предварительно заманив ее туда. Это сделал тот, кто знал о сложном узле взаимоотношений между ним, Беллой и Панаевым-старшим.

Однако полностью отменить версию о виновности Сергея Лариса не могла. Уж очень она была похожа на реальность, тем более что он знал убитую.

Через своего знакомого, майора милиции Карташова, Лариса смогла встретиться с Панаевым, который находился в камере предварительного заключения.

Встретил Панаев ее неласково. Он хмуро посмотрел на нее и буркнул в сторону:

– Какого хрена приперлась?

Лариса ничего не ответила на это и как ни в чем не бывало спокойно произнесла:

– Сергей, я не верю, что убивал ты. Я сделала все это специально: мне необходимо было понаблюдать за всеми...

Поскольку Сергей хотел стремительно привстать, Ларисе пришлось успокоить его: она сжала его руку.

– Спокойно, спокойно... Милицию все равно пришлось бы вызвать. Но теперь я хотела все-таки еще кое-что выяснить.

– Что выяснить? – Недоверчивый взгляд Панаева пронзил Ларису.

– Сергей, все это задумано против тебя, и я могу выяснить, чьих это рук дело. В конце концов мне это интересно как частному детективу. Мы можем отойти и поговорить?

Панаев еще раз недоверчиво взглянул на Ларису. Однако та лучилась искренней доброжелательностью – умела она напускать на себя эту маску.

Сергей, бросив в ее сторону еще один укоряющий взгляд и тяжело вздохнув, нервно повернулся и встал в выжидающей позе.

– О чем ты хотела со мной поговорить? – чуть мягче спросил он.

– Я знаю, что убитая – Белла Смирнова. Та самая, про которую ты мне рассказывал.

– Теперь это по твоей милости знают все.

– Она не случайно появилась в твоей квартире. Та история двадцатилетней давности имела свое продолжение. Ты говорил мне неправду, утверждая, что не видел ее с тех пор. И думаю, будет лучше, если ты расскажешь мне новейшую историю ваших отношений, а в том, что она была, я не сомневаюсь.

Лариса говорила уверенно. С одной стороны, довольно жестко и безапелляционно, с другой – достаточно деликатно, чтобы не раздражать находящегося все еще в шоке Сергея.

– Хорошо, я расскажу, – на лице Панаева заиграли желваки.

Ее сочувствие, доверие и в то же время деловой подход смягчили Сергея, и он начал рассказывать:

– Есть у меня партнер, Илья Рожков. Он возглавляет компанию «Север». Вначале мои переговоры с ним не ладились: он, по-моему, слишком многого хотел, а потом предложил поехать развлечься к девочкам. Ну, мы и съездили...

* * *

Бордель «Шанхай», куда затащил в тот памятный вечер Панаева его партнер по бизнесу Илья Рожков, находился в достаточно удаленном от центра месте. Это шикарное заведение для элитной публики, скрывавшееся за вывеской плавательного бассейна, кроме бассейна, имело еще и сауну, развлекательную шоу-программу с участием известных артистов и кабинеты для эротического массажа.

Внутри «Шанхай» был оформлен в псевдобуддистском стиле. Стены холла украшали мастерски выполненные китайские гравюры в репродукциях, изображающие постельные сцены. Выглядело это одновременно и красиво, и смешно. Со стен и потолка свисали изящные светильники в виде фонариков, мерцающих красноватым светом, создавая тем самым приятный полумрак, который дополнял возбуждающий аромат дымящихся палочек.

В прихожей Панаева и Рожкова встретила упакованная в темно-зеленый с драконами халат полная женщина с восточными чертами лица, которую не портила полнота, а, напротив, придавала какое-то особое очарование и женственность. Полы халата то и дело распахивались, обнажая смуглые ножки на высоких каблуках. Из выреза халата выглядывала полная грудь, украшенная ниткой розового жемчуга Микимото.

Восток ощущался в этом заведении повсюду. Знающему человеку все это показалось бы безвкусным, однако Панаев не мог особо похвастать знаниями дальневосточной культуры. Поэтому вся эта крикливая роскошь производила на него скорее благоприятное, нежели негативное впечатление. Его спутник, Илья Рожков, разбирался во всем этом чуть больше, но и был здесь уже не в первый раз. К тому же он не обращал внимания на интерьер и притащил сюда Панаева с вполне определенной целью. И этой цели он был намерен четко следовать.

Лицо хозяйки притона показалось Панаеву знакомым, будто он знал эту даму очень давно. Но сколько он ни пытался вспомнить, откуда он знает эту женщину, так и не смог.

– Здравствуйтесь, господа! Решили развлечься? У нас сегодня необычное выступление. Прекрасная Тамила и ее балетная группа «Рабыня любви». – Хозяйка приятно, хотя и несколько деланно, улыбнулась.

Она взмахнула рукой, унизанной кольцами, и провела гостей в зал. Затянутые в тонкое трико девушки легко кружились по сцене в свете разноцветных прожекторов, играя с полупрозрачными газовыми шарфами, подбрасывая и ловя их, которые казались то белыми, то сирене-

выми, то красными. Иногда шарфы превращались в пламенеющие лучи, напоминающие зрителю, что он в райском саду, перед ним сгорающие от страсти к своему господину гурии.

И вот девушки разбрелись по залу. Они танцуют с посетителями, садятся им на колени. И лишь одна, застыв на сцене будто в лепестках лилии, жонглирует «золотыми» шарами.

Хозяйка провела Рожкова и Панаева за столик, присела рядом с ними. Томно улыбаясь и пригубив вино из бокала, она нежно произнесла:

– Тамила, как всегда, обворожительна. Видите, как она влюблена в вас, Илья? Ну разве не истинная рабыня любви?..

Рожков в ответ лишь снисходительно улыбнулся. Удобно расположившись на стуле и откинув голову, он как бы демонстрировал всем свое красивое тело и мужественное лицо, этот плечистый богатырь с темно-русой бородой, коротко стриженный, почти лысый. Греческий профиль и властно сжатые губы выдавали в нем сильного человека, прошедшего огонь и воды. Спокойные, как у дикого зверя, глаза оставались холодными и колючими, даже когда он улыбался.

Черный костюм от Версаче безукоризненно смотрелся на нем и выгодно отличал Илью от Сергея, который никогда не умел со вкусом одеться, несмотря на кучу денег и модницу-жену.

Илья не удержался от ехидного замечания:

– Что это ты, Серега, свитер такой стремный сюда надел? Я же тебе говорил – в «Шанхай» идем, а ты вырядился как на оптовку.

На что тот отделался шуткой:

– Что я тебе, баба, что ли, за собой следить? К бл...м же пришли!

– Мальчики, не ссорьтесь, – захохотала подошедшая Тамила, усаживаясь на колени к Илье.

Ее танцевальный номер был окончен, и на сцену вышла другая девушка, в «гаремных» штанах-шароварах, без лифчика, вызывающая джинна из огромного бутафорского кувшина. Под звуки стилизованной восточной музыки на сцену выбегали весьма эротично выглядящие джинны, которые имитировали любовные страсти прямо на сцене. В балетных движениях их сквозили садомазохистские пристрастия. Они заковывали наложницу в цепи, швыряли и стегали кнутами – для вида, конечно, – эту полуголую ворожею.

Рожков снисходительно посматривал на это действие – смесь Дальнего и Ближнего Востока в этом заведении ему казалась смешной и надуманной. Но Панаеву все это казалось в диковинку и вроде бы нравилось.

И Илья принялся создавать «атмосферу» за столом. Начал он с похабных анекдотов, которые Тамила встретила залихватским смехом. Иногда Рожков переглядывался с хозяйкой борделя, и появлялось в этом взгляде что-то уж очень многозначительное. В такие моменты выразительное лицо Ильи делалось каким-то злобно-насмешливым. Мужское обаяние на миг исчезало, оставалась лишь деланная и фальшивая улыбка – в конце-то концов, он привел в это заведение обрабатывать своего несговорчивого финансового партнера!.. А Сергей, опьяненный грузинским вином и каким-то гремучим коктейлем под экзотическим названием «Страсть императора», ничего этого не замечал.

– Ну чего, дружан, давай еще опрокинем за милых дам! – толкнув Панаева в бок, провозгласил Рожков. – Выбери любую, я плачу. Угощаю по полной, что называется, программе!

Тамила скривила свой чрезмерно накрашенный ротик в дежурную улыбку, а Сергей еще раз пристально посмотрел на хозяйку, которая, удерживая кончиками пальцев длинную нитку розового жемчуга, улыбалась ему как-то по-особенному. По крайней мере, так казалось Панаеву.

«Где же я ее видел? – сверлила мысль. – Где? Может быть, когда-то давно? Но где? И при каких обстоятельствах?»

– Давай еще раз опрокинем, – согласился Панаев, не сводя пристального взгляда с хозяйки.

Рожков кивнул Тамиле, и та наполнила бокалы. Панаев выпил, не заметив, что Рожков только чуть пригубил свою рюмку.

– Так что, Серега, пошли? – Илья встал, как бы приглашая Сергея последовать его примеру.

– Пойдемте, – улыбнулась хозяйка, протягивая к Панаеву руки.

Сергей встал и, чуть пошатываясь, послушно пошел туда, куда увлекала его компания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.